

Глава II.

Исторія Японіи до переворота.

1.

Изумительно быстрый ростъ Японіи въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ уже давно обращалъ на себя вниманіе европейцевъ. Такъ же удивительны, какъ ея природа, казались разыгрывавшіяся тамъ событія. На глазахъ современнаго поколѣнія эта страна пережила какое-то сказочное превращеніе. Давно ли Гончаровъ и другіе попадавшіе туда путешественники описывали этихъ своеобразныхъ азіатовъ, упорно гнавшихъ отъ себя все европейское, т. е. все цивилизованное, желавшихъ упрямо оставаться варварами. И вдругъ черезъ какіе-нибудь три, четыре десятка лѣтъ на мѣстѣ этой варварской страны оказывается сильное государство, съ парламентскимъ режимомъ, съ могущественной арміей и флотомъ, съ быстро растущей промышленностью. Немудрено, что такая фантазмагорія заставляла недоувѣрчиво пожимать плечами однихъ и вызывала

неудержимый восторгъ у другихъ. Одно изъ двухъ — или это дѣйствительно макаки, обезьяничающіе съ европейцевъ и ловко перенимающіе внѣшнія стороны ихъ цивилизаціи, или это гениальная нація, продѣлавшая въ полстолѣтія путь, для котораго Европѣ нужны были долгіе вѣка. Эти два взгляда и до сихъ поръ болѣе или менѣе явно проглядываютъ въ злободневной литературѣ о Японіи.

Но самая маленькая доля историческаго чутья заставляетъ уже à priori недовѣрчиво отнестись къ обоимъ этимъ мнѣніямъ. Совершенно немислимо себѣ представить, чтобъ цѣлый народъ былъ вдругъ охваченъ стремленіемъ къ бессмысленному копированію всего чужого, и чужого до тѣхъ поръ ненавистнаго и гонимаго. Да и копированіе въ такихъ широкихъ размѣрахъ, конечно, не можетъ дать такихъ блестящихъ результатовъ, какіе поражаютъ всѣхъ желающихъ видѣть. Съ другой стороны, не только цѣлый народъ, но даже и отдѣльный человѣкъ не переживаетъ никогда такихъ головокружительныхъ переворотовъ, когда все старое сразу безъ подготовки идетъ на смарку и на его мѣстѣ властно воцаряется новое, идущее въ разрѣзъ со всѣмъ прежнимъ. Если покопаться въ прошломъ, всегда найдутся задатки этого новаго, — явленія и силы, подготовившія катастрофу. И волей-неволей приходится придти къ заключенію, что, еслибъ не случайныя внѣшнія причины, вызвавшія переворотъ въ такомъ ускоренномъ темпѣ, онъ

все равно произошёл бы, — произошёл бы быть может, медленнѣе, быть может, принялъ бы иныя формы, но по существу привелъ къ тому же.

Такимъ случайнымъ толчкомъ для Японіи было открытіе гаваней и знакомство съ формами западно-европейской культуры, — хотя съ точки зрѣнія хода всемірной исторіи и это вторженіе въ Японію и разрушеніе обособленности одной націи было, конечно, совсѣмъ неслучайнымъ. Но и въ отношеніи Японіи стоитъ только повнимательнѣе всмотрѣться въ ея исторію, чтобы убѣдиться, что внутренний кризисъ, переживаемый теперь ею, далеко не явился результатомъ этого случайнаго толчка. Вся сущность и политическихъ, и экономическихъ реформъ, предпринятыхъ ею, была подготовлена всѣмъ ходомъ предыдущей исторіи Японіи. Этотъ внѣшній толчокъ, быть можетъ, только на нѣкоторое время ускорилъ темпъ ея исторіи, но ни въ какомъ случаѣ не измѣнилъ ея направленія.

Исторія Японіи во многихъ отношеніяхъ представляетъ значительный интересъ. Сильно отличающаяся въ частностяхъ отъ исторіи европейскихъ странъ, она доказываетъ въ то же время, какъ общи въ главныхъ чертахъ законы историческаго развитія. Несмотря на полную обособленность отъ Европы, несмотря на своеобразныя условія своей природы, Японія переживала, какъ мы увидимъ, въ общемъ, тѣ же главныя стадіи экономическаго и политическаго развитія, какъ и европейскія страны.

2.

Японская мифология.

Источникомъ для изученія древнѣйшей японской исторіи служатъ двѣ японскія лѣтописи: „Койики“ и „Нихонги“. Обѣ онѣ были написаны приблизительно одновременно,—„Койики“ въ самомъ началѣ VIII-го вѣка христіанской эры, „Нихонги“ около 720 г. „Койики“ распадается на три книги. Первая изъ нихъ содержитъ преданіе о сотвореніи міра и рассказы о первыхъ мифическихъ временахъ японской исторіи. Вторая и третья представляютъ собой лѣтопись историческихъ событій съ момента воцаренія перваго микадо, т.-е. съ перваго года японской эры, по 1288, т.-е., по нашему лѣтосчисленію, съ 660 г. до Р. Х. по 628 по Р. Х. „Нихонги“ начинается тоже съ космогоніи и мифовъ и доводитъ исторію до 699 г. по Р. Х. Начиная съ VIII-го вѣка, количество японскихъ источниковъ, и современныхъ, и написанныхъ позднѣе, значительно увеличивается. Особенно же богатая историческая литература существуетъ тамъ относительно средневѣковаго періода японской исторіи съ XI-го по XVI в. Нѣтъ, конечно, недостатка и въ работахъ по новой исторіи, съ XVI-го вѣка и до нашихъ дней.

Японская космогонія считаетъ, конечно, Японію первозданной землей. О сотвореніи міра и Японіи тамъ существуетъ нѣсколько мифовъ, отличаю-

щихся между собой въ частностяхъ, но въ главныхъ чертахъ рисующихъ слѣдующую картину.

Вначалѣ былъ хаосъ. Земля и небо не были еще раздѣлены. Земля плавала среди остальной массы, какъ желтокъ въ яйцѣ. Потомъ легкія, свѣтлыя частицы поднялись и образовали небо, а остатокъ сталъ землей. Изъ теплой рыхлой земли поднялся ростокъ и сталъ одушевленнымъ существомъ, куни-мако-тахи-на-микато. Потомъ появились такимъ же способомъ и другія существа — ками. Они всѣ были одного пола, т.-е. раздѣленія половъ не существовало. Эти первичныя существа, — ками, продолжали дальше созданіе міра: они развѣдывали пять элементовъ, — огонь, воду, землю, металлъ и дерево, и опредѣлили свойства каждого. Послѣдніе изъ этихъ самостоятельно возникшихъ божественныхъ созданій были первая пара — мужское божество Изанаги и женское — Изанаміи.

Стоя на парящемъ въ вышинѣ небесномъ мосту, Изанаги погрузилъ свое копье въ волнующіяся подъ нимъ воды и поднялъ его вверхъ. Съ конца копья упала капля, и изъ нея образовался первый островъ. Этотъ островъ, по преданію, — Аваджи. Небесная пара спустилась на него, и Изанаги предложилъ обойти его кругомъ. Самъ онъ пошелъ налѣво, а Изанаміи — направо. Когда они черезъ день встрѣтились, Изанаміи первая воскликнула: „Какъ пріятно встрѣтить достойнаго любви человѣка!“ Но Изанаги разсердился, что женщина

раньше его постигла искусство рѣчи, и потребовалъ повторить прогулку. Слѣдующій разъ онъ уже издали закричалъ: „Какъ пріятно встрѣтить достойную любви женщину!“

Изанаги и Изанами были первой супружеской парой, и съ тѣхъ поръ существовала на свѣтѣ любовь. Послѣ Аваджи божественная пара сотворила еще семь большихъ и до ста малыхъ острововъ, и на нихъ появилась жизнь. Первою у Изанами родилась дочь Аматеразу-о-миками, т.-е. свѣтлѣйшая небесная богиня. Она была прекрасна и озаряла своимъ свѣтомъ и небо и землю. Но Изанаги былъ недоволенъ, что его первымъ ребенкомъ оказалась дочь, и прогналъ ее съ земли на небо, давъ ей во владѣніе небесныя пространства. Вторымъ ребенкомъ оказалась тоже дочь, — богиня луны. Только третій родился мальчикъ, но и то плохо сложенный. Въ три года онъ еще не умѣлъ ходить. Родители сдѣлали для него лодку изъ камфарнаго дерева и пустили на волны. Это былъ первый рыболовъ и богъ текущихъ водъ. Наконецъ, четвертымъ родился настоящій сынъ — Сосанео-но-микато. Отецъ былъ очень счастливъ и возлагалъ на него всѣ надежды. Но мальчикъ росъ шаловливымъ и непокорнымъ. Отецъ далъ ему въ управленіе океанъ, но онъ никогда не умѣлъ держать свое царство въ порядкѣ. Онъ постоянно кричалъ, пугалъ все живое, убивалъ людей и вырывалъ съ корнемъ деревья.

Въ это время мать его родила еще сына—бога

бурнаго огня и послѣ рожденія его удалилась въ подземное царство. Изанаги, удрученный непокорствомъ своего сына, совсѣмъ затосковалъ, когда жена покинула его, и отправился разыскивать ее въ подземный міръ, оставивъ своего любимца управлять міромъ. Онъ долго странствовалъ подъ землей и, наконецъ, встрѣтилъ свою жену у воротъ подземнаго дворца. Она согласилась вернуться съ нимъ, но сказала, чтобы онъ шелъ назадъ на землю не оглядываясь, а она зайдетъ прежде во дворецъ сказать подземному царю, что она уходитъ. Изанаги остался ждать ее у дверей. Потомъ ему показалось, что она слишкомъ долго не возвращается, и онъ бросился разыскивать ее внутрь дворца. Но уже войдя туда, онъ вспомнилъ, что осквернился, и бросился назадъ, чтобы поскорѣе очиститься. Не останавливаясь болѣе, онъ добѣжалъ до земли и первымъ дѣломъ выкупался въ очищающихъ водахъ.

На землѣ же въ его отсутствіе произошли большіе безпорядки. Его любимый сынъ Сосанео продолжалъ мучить всѣхъ и особенно часто обижалъ свою старшую сестру — богиню солнца. Онъ выпускалъ дикихъ лошадей на засѣянные ею рисомъ поля и истреблялъ собранные запасы риса. Разъ, когда она сидѣла у окна своего дворца и ткала, онъ схватилъ дикую лошадь, ободралъ ее съ хвоста до головы и въ такомъ видѣ бросилъ ее въ комнату сестры. Она такъ испугалась, что поранила себя челнокомъ и убѣжала въ пещеру, задви-

нувъ входъ въ нее большимъ камнемъ. На землѣ воцарился мракъ. День пересталъ отличаться отъ ночи. Всѣ боги пришли въ смущеніе, а злые бо-жества еще увеличивали сумятицу, производя все-возможный шумъ.

Тогда боги стали совѣщаться, какимъ образомъ вызвать богиню солнца изъ ея убѣжища. Наконецъ, они рѣшили сказать ей, что появилась богиня еще болѣе прекрасная, чѣмъ она сама, и тѣмъ возбудить ея любопытство. Богъ-кузнецъ приготовилъ большое овальное зеркало, украшенное рамкой изъ драгоценныхъ камней. Потомъ всѣ боги собрались около пещеры, гдѣ скрывалась богиня солнца, стали пѣть, играть на разныхъ инструментахъ и танцевать. Заинтересованная богиня выглянула въ щелочку и спросила, что ихъ такъ развеселило. Они отвѣтили ей, что чествуютъ богиню еще болѣе прекрасную, чѣмъ она сама. И при этомъ они поднесли къ ней зеркало. Тогда она не выдержала, пріотворила дверь и взглянула въ зеркало. До тѣхъ поръ она никогда не видѣла своего изображенія и остановилась, пораженная. Боги окружили ее, вывели изъ дверей и завалили входъ. Ее же отвели во дворецъ. Послѣ этого коварный Сосанео былъ изгнанъ съ земли.

Но и дальше Сосанео, наряду съ богиней солнца, фигурируетъ во множествѣ мифовъ, которыми японцы объясняютъ разныя явленія природы и появленіе разныхъ искусствъ среди людей. Такъ, съ началомъ земледѣлія связывается слѣдующій

миѳъ. Однажды Сосанео явился въ гости къ богинѣ плодородія. Она приняла его очень любезно и угощала своими произведеніями, которыя создавала тутъ же на его глазахъ: рисомъ, пшеницей, разными плодами, рыбой и животными. Сосанео пришелъ въ ярость, при видѣ, какъ легко она это дѣлаетъ, бросился на нее и убилъ ее. Когда богиня солнца узнала объ этомъ, она послала посмотрѣть, что случилось съ тѣломъ богини послѣ ея смерти. Оказалось, что все оно было покрыто фруктовыми деревьями и злаками, а изъ головы ея вышли корова и лошадь. Богиня солнца обрадовалась и повелѣла людямъ возвращать теперь эти растенія, какъ это дѣлала сама богиня. Она объяснила имъ, гдѣ сѣять рисъ и гдѣ сажать тутовые деревья и какъ добывать шелкъ изъ кокона и какъ дѣлать пряжу.

Сосанео приписываются также нѣкоторые геройскіе подвиги, полезные для людей. Такъ, онъ истребилъ страшнаго дракона, залетѣвшаго на землю во время его изгнанія и пожиравшаго прекрасныхъ дѣвушекъ. Разрубивъ его пополамъ, онъ нашелъ внутри его прекрасный мечъ и подарилъ его своей сестрѣ, богинѣ солнца. Онъ же, по преданію, научилъ людей поэзіи.

Мы не можемъ останавливаться подробнѣе на японской миѳологіи и разбирать заключающіеся въ ней элементы сходства или различія съ первобытными представленіями другихъ народовъ. Но и въ изложенныхъ уже нами миѳахъ можно даже при бѣгломъ

взглядѣ подмѣтить нѣкоторыя черты, сближающія ихъ хотя бы съ греческими, а иногда и съ библейскими легендами.

Богиня солнца въ японской мифологіи является прямой родоначальницей царствующей въ Японіи династіи. Къ концу мифическаго періода вся земля оказалась густо населенной людьми и божественными существами — ками. Между тѣми и другими постоянно вспыхивали ссоры, и земля стала ареной непрерывныхъ раздоровъ. Тогда богиня солнца рѣшила послать своихъ потомковъ управлять землей. Одинъ изъ порожденныхъ ею боговъ — Ошихоми женился на Тамайори, внучкѣ Изанаги и Изанами, и у нихъ родился сынъ Ниничи-но-микото. Этого внука богиня солнца и рѣшила отослать на землю. Отправляя его, она дала ему многочисленныя сокровища и между прочимъ три главныхъ: зеркало, камень и мечъ, добытый Сосанео. Прощаясь съ нимъ, она сказала ему по одному преданію:

„Вѣка за вѣками будутъ твои потомки управлять этой страной. Прими же мое наслѣдство и эти три коронныхъ талисмана. Когда ты захочешь увидѣть меня, смотри въ это зеркало. Будь для этой страны тѣмъ чистымъ свѣтомъ, какой исходитъ отъ его поверхности. Управляй ея жителями съ мягкостью и добротой, которыя олицетворяются мягкой округлостью этого камня. Сражайся съ врагами твоего царства этимъ мечомъ, убивай ихъ его остріемъ“.

Японія.

Съ этими словами она простилась съ нимъ, и онъ съ сонмомъ низшихъ боговъ спустился по небесному мосту на землю, а небо послѣ того отдалилось дальше отъ земли, и переходить эту бездну стало невозможно.

На землѣ у Ниничи родился сынъ, прожившій 580 лѣтъ. Этотъ сынъ женился на морскомъ чудовищѣ, принявшемъ образъ женщины. Его сынъ женился на своей теткѣ, и у него родился Джиму Тенно, — первый, окруженный легендами, микадо Японіи.

3.

Легендарный періодъ исторіи.

Не только происхожденіе Джиму Тенно, но и вся исторія его царствованія, такъ же, какъ царствованіе всѣхъ первыхъ японскихъ микадо, не выдерживаетъ строгой исторической критики. Самое существованіе ихъ нельзя считать окончательно установленнымъ. На ихъ исторію надо смотрѣть, какъ на исторію покореній, объединенія и первоначальнаго упрядоченія Японіи племенемъ завоевателей — ямато. Мѣстомъ, откуда это племя направилось на завоеваніе страны, преданіе считаетъ Кіу-Сіу. На вопросъ, откуда оно появилось тамъ, легенда отвѣчаетъ — съ неба. Черезъ небесный океанъ, по небесному мосту спустился прадѣдъ перваго микадо со своими спутниками на японскіе острова. Въ этомъ мифѣ можно видѣть указаніе на то, что племя завоевателей не было кореннымъ туземнымъ пле-

менемъ и что явилось оно изъ-за океана, по всей вѣроятности, конечно, не небеснаго. Какъ бы то ни было, оно довольно долгое время жило на Кіу-Сіу, пока не разрослось такъ, что ему стало тѣсно на южномъ островѣ и явилась потребность двинуться дальше на сѣверъ.

Походъ Джиму Тенно продолжался много лѣтъ. Это не была просто завоевательная экспедиція, это было неудержимое движеніе впередъ цѣлаго племени, въ родѣ наступленія готовъ на Европу, только въ нѣсколько меньшемъ масштабѣ. Джиму Тенно двигался сначала по Внутреннему морю, съ юга на сѣверъ, останавливаясь годами на берегахъ Шикоку и Ниппона и вступая въ борьбу съ туземными племенами. Туземцы, съ которыми имъ приходилось воевать, были, главнымъ образомъ, такъ называемые „пещерные жители“ и племя та-керу на югѣ, а дальше къ сѣверу айны. Пещерные жители отличались крайне малымъ ростомъ, хитростью и чрезвычайною жестокостью. Это были дикари на самой первобытной стадіи культуры. Существуетъ мнѣніе, что смѣшеніе племени Ямато съ этими карликами оказало вліяніе на ростъ японской расы. Но пока это нельзя считать установленнымъ. Айны, наоборотъ, были крупное воинственное племя; шагъ за шагомъ отстаивали они у побѣдителей свои владѣнія и часто, разбитые ими, снова возвращались и наносили имъ серьезные уроны. Легенда объясняетъ побѣды Джиму Тенно дѣятельнымъ покровительствомъ боговъ и въ осо-

бенности прародительницы начальника, богини солнца. Цѣлый рядъ чудесъ сопровождалъ походы Джиму Тенно. Иногда, когда онъ сбивался съ дороги, ему являлась громадная птица и летѣла передъ его отрядомъ. Иногда во время сраженія внезапная тьма вносила смятеніе въ ряды враговъ или, наоборотъ, нестерпимый небесный свѣтъ поражалъ ихъ слѣпотой. Во всякомъ случаѣ въ концѣ концовъ туземцы были оттѣснены далеко на сѣверъ, и первое постоянное поселеніе было основано недалеко отъ теперешняго Кіото, въ той части Японіи, которая, какъ и племя завоевателей, называлась тогда О-Ямато. Годъ постройки этого дворца и считается въ Японіи первымъ годомъ ихъ лѣтосчисленія. Въ этомъ дворцѣ были положены эмблемы царской власти — зеркало, мечъ и круглый камень или держава.

Но на воцареніи Джиму Тенно въ центрѣ Японіи не кончается, конечно, исторія завоеванія страны. Въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ шла непрерывная борьба между завоевателями, все шире распространявшими свои владѣнія, и туземцами, тревожившими ихъ постоянными набѣгами. Только въ I вѣкѣ до Р. Х. или въ VI в. японской эры страна нѣсколько успокоилась, воинственные туземныя племена водворились на далекихъ окраинахъ, а въ центрѣ начала быстрѣе развиваться мирная культура.

Первый микадо, обратившій серьезное вниманіе на внутреннее развитіе страны, былъ Суджинъ, царствовавшій съ 97 по 30 г. до Р. Х. Ему при-

писывается установленіе податей, платимыхъ микадо, проведеніе дорогъ, развитіе нѣкоторыхъ ремеслъ, усиленное покровительство земледѣлію, которое въ первобытныя времена представляло особыя трудности. Далѣе Суджинъ старался по возможности воздѣйствовать на нравы своего племени и боролся съ нѣкоторыми укоренившимися среди нихъ обычаями. Такъ, напримѣръ, тамъ существовалъ обычай при погребеніи умершаго родоначальника или члена императорской семьи закапывать живыми по горло въ землю его приближенныхъ и его лошадь. Далеко вокругъ окрестность оглашалась криками несчастныхъ, умиравшихъ голодною смертію. Микадо повелѣлъ своимъ совѣтникамъ придумать какой-нибудь способъ, чтобъ замѣнить этотъ жестокій обычай. Одинъ изъ приближенныхъ высказалъ мысль, что можно вмѣсто живыхъ людей зарывать въ землю ихъ изображенія. Это предложеніе очень понравилось микадо, и онъ при смерти перваго же изъ своихъ родственниковъ приказалъ закопать съ нимъ въ землю глиняныя статуи его приближенныхъ. Съ этихъ поръ старый обычай сталъ понемногу исчезать, хотя еще долго спустя онъ время отъ времени оживалъ снова уже не въ формѣ зарыванія въ землю живыхъ, а въ видѣ убійства или самоубійства на могилѣ. Самоубійство при этомъ принимало обычную въ Японіи форму—хара-кири, т.е. распарыванье живота.

Наряду съ этимъ обычаемъ, заставляющимъ

припомянуть Индію и браминовъ, въ Японіи существовали другіе обычаи, страннымъ образомъ напоминающіе Европу и средневѣковыя. Такъ, напр., однимъ изъ способовъ опредѣлить виновность преступника былъ божій судъ (ордалии). Обвиняемаго заставляли опускать руку въ крутой кипятокъ. Если тѣло сваривалось, вина считалась несомнѣнной; если знаковь не оставалось, или они очень быстро заживали, обвиненіе падало.

Посвящая много заботъ улучшенію быта своихъ подданныхъ, микадо Суджинъ не забывалъ и о богахъ. Свои жреческія обязанности онъ исполнялъ не менѣе усердно, онъ постоянно совершалъ богослуженія богамъ и воздвигъ имъ много новыхъ храмовъ. Храмы эти по постройкѣ мало отличались отъ его дворца и отъ жилищъ остальныхъ японцевъ. Это были небольшія деревянные четырехугольныя строенія, лишенныя всякихъ архитектурныхъ украшеній и всякой роскоши.

По образу жизни первые японскіе микадо нисколько не напоминали другихъ азіатскихъ влестителей, окружавшихъ себя большой пышностью. Они, наоборотъ, жили въ первые вѣка чрезвычайно просто.

По преданію микадо Суджинъ имѣлъ двухъ сыновей, которыхъ онъ любилъ одинаково, и колебался, кого изъ нихъ назначить своимъ преемникомъ. Однажды, онъ предупредилъ ихъ, чтобы они запомнили, какіе сны увидятъ въ наступающую ночь и на слѣдующій день рассказали ему ихъ. На другой день старшій сказалъ: „Я видѣлъ, что взби-

раюсь на гору, лицомъ къ востоку, и мечемъ и копьемъ прокладываю себѣ дорогу“. — „Я тоже видѣлъ гору, — разсказалъ младшій, — я поднимался по ней и разставлялъ силки во всѣ стороны. чтобы ловить воробьевъ, портившихъ посѣвы“. Тогда отецъ растолковалъ имъ ихъ сны. „Ты мой сынъ, — обратился онъ къ старшему, — смотришь въ одну сторону, ты будешь завоевателемъ и покоришь востокъ. А ты, — сказалъ онъ младшему, — будешь управлять всей страной. Тебя я назначаю своимъ наслѣдникомъ“. Анекдотъ этотъ характеренъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, онъ показываетъ, что заботы о мирной культурѣ начинаются уже въ то время брать перевѣсъ надъ завоевательными стремленіями. Во-вторыхъ, изъ него ясно, что съ древнихъ временъ переходъ престола отъ отца къ старшему сыну не считался обязательнымъ въ Японіи. Царствующій микадо могъ назначать своимъ преемникомъ любого изъ своихъ сыновей, а если ихъ не было или они казались ему недостойными престола, усыновлять кого-нибудь изъ родственниковъ и объявлять его своимъ наслѣдникомъ. Но при этомъ усыновленный считался законнымъ сыномъ микадо. Царствующая династія разъ навсегда признавалась непрерывной. И нынѣ царствующій императоръ Мутсо Гито считается на этомъ основаніи прямымъ потомкомъ основателя государства Джиму Тенно, 121-мъ микадо божественной и вѣчной династіи.

При преемникахъ Суджина покоренныя племена

снова начали тревожить страну. Въ борьбѣ съ ними особенно прославился сынъ микадо Кеико — Ямато-Даке (храбрѣйшій въ Ямато). Это одинъ изъ любимѣйшихъ японскихъ героевъ древней исторіи. Описанія его подвиговъ въ лѣтописяхъ облечены въ легендарную, часто поэтическую форму.

Когда онъ принудилъ къ повиновенію сосѣднія племена, отецъ послалъ его на сѣверъ воевать съ храбрыми айнами. Ямато-Даке пустился въ путь со своимъ отрядомъ, и его молодая жена отправилась съ ними, не согласившись разстаться съ мужемъ. Когда онъ плылъ въ большой лодкѣ по морю, вдругъ поднялась страшная буря, грозившая каждую минуту перевернуть лодку и потопить отважныхъ пловцовъ. Воины уже готовились къ смерти вмѣстѣ со своимъ предводителемъ, какъ вдругъ поднялась жена Ямато-Даке. „Боги требуютъ умиловительной жертвы, — сказала она, — я хочу умереть за тебя“. И съ этими словами она бросилась въ грозныя волны. Тотчасъ же буря стала утихать, и корабль благополучно приплылъ къ берегу.

Три года продолжался побѣдоносный походъ Ямато-Даке. Преодолевая безчисленныя трудности и опасности, онъ достигъ своей цѣли, оттѣснилъ айновъ на крайній сѣверъ и надолго лишилъ ихъ охоты тревожить сосѣдей. Возвращаясь назадъ, Ямато-Даке сталъ на горѣ, близъ теперешняго Токио и, глядя внизъ на волны, поглотившія его любимую жену, повторялъ: „Адзума, Адзума!“ (моя жена,

Японія.

Императрица Джинго и ея полководец.
(Японскій рисунокъ.)

моя жена!). Съ тѣхъ поръ долина около Токио носить названіе Адзума. Возможно, конечно и наоборотъ, что это названіе само породило миѳъ.

Люди не могли справиться съ Ямато, но онъ оскорбилъ одного мѣстнаго бога, и тотъ отравилъ его смертоносными газами, выдѣляющимися при изверженіи. Ямато-Даке умеръ, не дойдя до столицы, умеръ, слагая гимны природѣ.

Послѣ Ямато-Даке громадной славой въ Японіи пользуется императрица Джинго, совершившая первый завоевательный походъ въ Корею. Въ царствованіе ея мужа, микадо Чиуэ (191—200 г. по Р. Х.), произошло возмущеніе племени такеру на островѣ Кіу-Сіу. Онъ отправился туда на корабляхъ, и жена послѣдовала за нимъ. Когда они достигли Симоносекскаго пролива и вышли на берегъ отдохнуть, Джинго стала совершать богослужебные обряды богу морей. Въ это время самъ богъ явился къ ней и сказалъ: „Для чего вы добиваетесь покорить Кумасо (отдѣлившаяся область)? Это бѣдная пустынная страна, недостойная вашего войска. Есть на западѣ другая страна, гораздо лучше и богаче ея, страна очаровательная, какъ лицо прекрасной дѣвушки. Въ ней есть золото и всякія сокровища. Молитесь мнѣ, и я помогу вамъ овладѣть ею, не проливъ ни капли крови. Слава вашихъ побѣдъ покорить вамъ потомъ и Кумасо“.

Когда императрица рассказала объ этомъ своему мужу, онъ отвѣтилъ ей: „Я смотрю туда и вижу только воду. Развѣ эта страна на небѣ? Если

нѣтъ, ты обманываешь меня. Или ты молилась ложнымъ богамъ“.

Богъ разгнѣвался за такое невѣріе и поразилъ смертью Чиуэ. Но жена была рѣшительнѣе его. Она собрала войска, рассказала воинамъ свое намѣреніе и воодушевила ихъ своимъ примѣромъ. Она сказала имъ: „Если вы побѣдите, слава будетъ ваша, если потерпите неудачу, вина будетъ моя“. Они сѣли на корабли и поплыли въ Корею. Мирные жители Кореи были такъ поражены нашествіемъ воинственныхъ заморскихъ людей, что почти не пытались оказывать сопротивленіе. Цари различныхъ областей, на которыя распадалась тогда Корея, добровольно прислали подарки Джинго и обѣщали постоянно выплачивать ей дань.

Императрицѣ Джинго приписываются слѣдующія наставленія, которыя она давала своимъ воинамъ:

„Не грабить.

„Не пренебрегать немногими врагами и не бояться многихъ.

„Щадить сдающихся и не давать пощады упорствующимъ.

„Побѣдителю предстоитъ награда, бѣглецамъ — наказаніе“.

Походъ императрицы Джинго въ Корею (201 г.) имѣлъ большое значеніе для Японіи. Съ этихъ поръ у нея установились правильныя сношенія съ азіатскимъ материкомъ, не только съ Кореей, но, что гораздо важнѣе, — съ Китаемъ. Китай въ это время стоялъ въ культурномъ отношеніи несравненно

выше Японіи. Въ теченіе послѣдующаго времени Китай посылалъ въ Японію своихъ учителей, своихъ ученыхъ, своихъ врачей, и постепенно китайская письменность и китайская наука пустили корни въ Японіи и оказали значительное вліяніе на складъ духовной жизни японцевъ. Это вліяніе продолжалось, то ослабѣвая, то усиливаясь, до XVIII вѣка нашей эры, и только тогда началась серьезная борьба съ нимъ. Изъ Китая же получила Японія въ V и VI вв. ту религію, которая, смѣнила ея первобытныя вѣрованія и заняла въ ней первенствующее мѣсто, а именно буддизмъ. Но на религіи японцевъ намъ придется подробнѣе остановиться позднѣе. Теперь мы перейдемъ къ характеристикѣ соціально-экономическаго строя Японіи въ этотъ первый полу-легендарный періодъ ея исторіи.

4.

Родовой бытъ.

Три главные момента опредѣлили первобытный экономическій и политическій строй древней Японіи. Во-первыхъ, основное занятіе ея жителей, обусловленное особенностями ея страны, во-вторыхъ, ихъ культъ и, въ-третьихъ, способъ переселенія ихъ въ новую страну.

Вслѣдствіе островнаго положенія Японіи и обилія рыбы у ея береговъ, рыбная ловля съ незапамятныхъ временъ составляла преобладающее занятіе ея жителей. Охота играла значительно мень-

шую роль, такъ какъ лѣса Японіи не особенно богаты животными. Во всякомъ случаѣ эти два вида промысловъ доставляли единственное пропитаніе туземнымъ жителямъ, если не считать дико растущихъ плодовъ. Завоеватели, во время своей долгой борьбы съ ними, принуждены были довольствоваться тѣмъ же. Но племя Ямато принесло съ собой изъ своей невѣдомой родины значительно болѣе высокій уровень потребностей, не удовлетворявшійся такими первобытными условіями жизни. Быть можетъ, вслѣдствіе особенностей страны, почти лишенной травянистыхъ луговъ и бѣдной животными, быть можетъ, вслѣдствіе принесенныхъ съ собой готовыхъ навыковъ, оно не проходило обычной послѣ охотничьяго и рыболовнаго періода стадіи кочевого и пастушескаго быта. Тамъ, гдѣ оно основывалось на постоянное жительство, оно переходило прямо къ земледѣлію.

Какъ оно собственно переселялось съ острова Кіу-Сіу въ центральную Японію, мы до нѣкоторой степени уже видѣли, когда касались легендъ о походахъ Джиму Тенно. Это было полузавоевательное, полупереселенческое движеніе цѣлаго племени, или во всякомъ случаѣ храбрѣйшей его части, главнымъ образомъ, мужчинъ, въ сопровожденіи, вѣроятно, относительно небольшого количества женщинъ. Двигались они, главнымъ образомъ, на лодкахъ по Внутреннему японскому морю, отъ Кіу-Сіу мимо Шикоку и южнаго Ниппона къ центральной Японіи или Ямато. По отдѣльнымъ лодкамъ пересе-

ленцы размѣшались не случайно. Каждую лодку занимали наиболѣе близкіе между собой люди — родственники, имѣвшіе главой своей старшаго между собой, своего родоначальника. Иногда нѣсколько лодокъ, наполненныхъ родственниками, соединялись въ одну небольшую флотилію подъ главенствомъ общаго родоначальника. Откуда надо вести начало родового быта, въ которомъ застаетъ племя Ямато переселеніе, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ теперь уже установлено несомнѣнно, что переселялись они родами и военачальникомъ ихъ былъ глава старшаго рода. Эти же черты родового быта они сохранили, какъ мы увидимъ, и на новыхъ мѣстахъ.

Излагая древніе японскіе мѣфы о происхожденіи міра и Японіи, мы близко подошли къ тому культу, который былъ непосредственно связанъ съ ними. Японскій народъ, или, лучше сказать, народъ, завоевавшій Японію, велъ свое происхожденіе отъ первыхъ боговъ, создавшихъ Японію, или въ ихъ глазахъ — весь извѣстный имъ въ ту пору міръ. Поклоняясь богамъ, они чтили въ нихъ своихъ непосредственныхъ предковъ. Къ сонму этихъ божественныхъ предковъ съ теченіемъ времени присоединились и тѣ изъ умирающихъ людей, которые при жизни приносили чѣмъ-нибудь пользу другимъ, и прежде всего непосредственные потомки богини солнца — всѣ царствовавшіе микадо. Это были главные, такъ сказать, всенародные предки, въ культѣ которыхъ объединялся весь народъ. Но,

кромѣ того, каждый родъ, пріѣхавшій и поселившійся вмѣстѣ на новой родинѣ, имѣлъ своихъ собственныхъ предковъ, которыхъ онъ почиталъ наравнѣ съ общими предками. Этотъ культъ предковъ, соединенный съ почитаніемъ нѣкоторыхъ силъ природы — солнца, луны, бога воды и т. п., или такъ называемая теперь религія Шинто, составляла единственную и общую религію японцевъ во весь первобытный періодъ ихъ исторіи вплоть до появленія тамъ буддизма въ VI в. по Р. Х., т.-е. въ теченіе болѣе тысячелѣтій.

Такимъ образомъ, на зарѣ исторіи мы застаемъ въ Японіи народъ, переселившійся туда родами, народъ, находящійся въ переходной стадіи отъ рыболовнаго къ земледѣльческому быту, и, наконецъ, народъ, религіозныя вѣрованія котораго вылились въ форму культа предковъ.

Посмотримъ теперь, какъ сложилась и не могла не сложиться его жизнь въ политическомъ и хозяйственномъ отношеніи. Прежде всего мы застаемъ племя ямато въ моментъ переселенія и въ моментъ борьбы. И то, и другое требовало предводителя и военачальника. Естественнымъ образомъ, и то, и другое соединялось въ лицѣ главы того рода, который велъ свою генеалогію прямо отъ солнца. Онъ былъ военнымъ вождемъ своего племени, его императоромъ, его микадо. Кромѣ того, какъ представитель первенствующаго рода, онъ былъ естественнымъ главою культа. Онъ приносилъ жертвы богамъ передъ походомъ и воздвигалъ имъ храмы въ

мирное время. Но этими двумя функціями и исчерпывается первоначально почти все содержаніе его власти. Впослѣдствіи къ этому присоединилась еще одна — разборъ столкновений между отдѣльными родами. Такимъ образомъ, въ понятіи микадо сливалось представленіе о трехъ видахъ власти — военачальника, главы культа и высшаго судьи.

Во всемъ остальномъ вліяніе его было очень незначительно. Племя завоевателей состояло, какъ мы видѣли, во время переселенія изъ отдѣльных родовъ, передвигавшихся и поселявшихся вмѣстѣ. Осѣдая жизнь еще усиливала родовую связь между членами рода. Земледѣліе, какъ мы уже упоминали, сопряжено въ Японіи съ особыми трудностями. Заниматься имъ въ одиночку въ первобытное время не представляло никакой возможности. Только значительная группа людей — родъ, могла сдѣлать тотъ или другой участокъ земли годнымъ для обработки. Этимъ опредѣлился весь строй хозяйственныхъ отношеній. Родъ завладѣвалъ извѣстнымъ участкомъ земли, который составлялъ послѣ того его собственность, родъ совмѣстно обрабатывалъ его и только по окончаніи уборки глава рода распредѣлялъ между членами полученный сборъ. Кромѣ земледѣлія, составлявшаго основное занятіе всѣхъ, всякій родъ производилъ внутри себя все необходимое, т.-е. и жилища, и утварь, и оружіе, и одежду, причемъ опять-таки глава рода опредѣлялъ, кому изъ членовъ чѣмъ заниматься сверхъ обработки земли. Постепенно по мѣрѣ

расширенія родовъ они распадались на нѣсколько меньшихъ, причемъ хозяйственной единицей считались мелкіе роды или „уджи“, весь же родъ въ цѣломъ „о-уджи“, т.-е. большой родъ, связывался между собой, главнымъ образомъ, общностью предковъ и общностью живого главы рода. Возможно, что первоначально этимъ главою рода являлся его дѣйствительный родоначальникъ, т.-е. прародитель всѣхъ его членовъ. Но съ теченіемъ времени, при разростаніи и дробленіи большого рода на отдѣльныя вѣтви, такого реального родоначальника они не могли, конечно, имѣть. Возможно, что главою рода оставался глава старшей вѣтви, но есть основанія предполагать, что званіе родовладыки было выборнымъ и занималъ его одинъ изъ старѣйшихъ членовъ рода по избранію. Недостатокъ источниковъ не даетъ возможности твердо установить это. Во всякомъ случаѣ избраніе было пожизненнымъ, и родовладыка имѣлъ полную неограченную власть внутри своего рода. Онъ имѣлъ право суда и казни надъ всѣми членами рода и право продажи ихъ въ рабство.

Отдѣльный человѣкъ, какъ полноправная личность, какъ индивидуумъ не существовалъ совсѣмъ. Онъ былъ только членъ рода, не имѣвшій никакихъ правъ, но зато и не несшій никакой ответственности передъ чѣмъ-нибудь высшимъ, чѣмъ его родъ. Представителемъ всѣхъ отдѣльныхъ членовъ рода и передъ богами, и передъ ихъ земными потомками — микадо — былъ родоначальникъ. Онъ

совершалъ жертвы за весь родъ, онъ же собиралъ его и велъ на войну по требованію микадо и онъ же позднѣе вносилъ подати микадо. Первое упоминаніе о регулярныхъ податяхъ, платимыхъ микадо, встрѣчается при микадо Суджинъ въ I в. до Р. Х. У границъ рода власть микадо кончалась, онъ имѣлъ дѣло не съ подданными людьми, а съ подданными родами, представителями которыхъ служили ихъ главы. Отдѣльный членъ рода зналъ только свою долю работы и свою долю результатовъ ея. Тѣмъ не менѣе онъ считался свободнымъ членомъ рода, такъ какъ, кромѣ свободныхъ, равныхъ между собою, хотя и подчиненныхъ родоначальнику членовъ, въ составъ рода входили нерѣдко и рабы. По большей части эти рабы были взятые въ плѣнъ туземцы, хотя, быть можетъ, иногда это были провинившіеся и обращенные въ рабство члены родовъ. О положеніи этихъ рабовъ въ древнѣйшее время извѣстно мало. Судя по ихъ роли впослѣдствіи, они, вѣроятно, несли тѣ же работы, какъ и другіе члены родовъ, и жили приблизительно такъ же, какъ и остальные, представляя собою такую же необходимую рабочую силу.

Съ точки зрѣнія рабочей силы смотрѣли въ то время и на женщину, и этимъ объясняется, главнымъ образомъ, особенность ея положенія. Женщина была первоначально такимъ же равноправнымъ членомъ рода, какъ и мужчина, пожалуй, еще болѣе цѣннымъ, такъ какъ женская роль въ хозяйствѣ не менѣе необходима, а количество женщинъ у за-

воевателей было относительно невелико. Вслѣдствіе этого добыть женщину изъ другого рода представлялось чрезвычайно труднымъ, и браки совершались, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ одного и того же рода между болѣе или менѣе близкими родственниками. Исключеніе ставилось только для единокровныхъ, т.-е. происходящихъ отъ одной матери братьевъ и сестеръ. Когда же внутри рода женъ не хватало, то мужчина соединялся съ женщиной другого рода, не приводя ее къ себѣ, т.-е. женщина продолжала оставаться членомъ своего коренного рода, хотя мужъ ея принадлежалъ къ другому роду. Позднѣе, къ этому присоединилось насильственное умыканіе женъ изъ другого рода или полюбовный выкупъ женъ. Но жена и въ томъ, и въ другомъ случаѣ продолжала оставаться самостоятельнымъ членомъ рода, т.-е. она зависѣла, какъ и мужчина, отъ главы рода и не становилась рабой мужа.

Внутренній строй старшаго рода, т.-е. рода микадо, ничѣмъ не отличался отъ строя остальныхъ родовъ. Являясь только военачальникомъ и верховнымъ жрецомъ въ отношеніи другихъ родовъ, внутри своего рода, своего о-уджи микадо былъ такимъ же полновластнымъ начальникомъ и хозяиномъ, какъ и другіе родоначальники. Также какъ и другіе большіе роды — о-уджи, родъ микадо распадался на болѣе мелкіе — уджи. При этомъ родственные микадо уджи считались главными или старшими среди остальныхъ. Позднѣе, когда уро-

вень народныхъ потребностей повысился, и каждому роду трудно было производить все необходимое его членамъ, стала появляться бѣльшая спеціализація труда. Но интересно, что и эта спеціализація занятій не разбила рамокъ родовъ и не повысила въ началѣ значеніе индивидуума.

Каждымъ отдѣльнымъ ремесломъ стали заниматься не отдѣльные, способные къ нему члены, хотя бы и разныхъ родовъ, а цѣлые роды. Эти роды ремесленниковъ прежде всего стали выдѣляться изъ о-уджи микадо. Тамъ впервые появились роды оружейныхъ мастеровъ, роды зеркальщиковъ, роды ювелировъ и др.

Такимъ образомъ, родовой бытъ, съ общиннымъ землевладѣніемъ, или такъ называемый строй „уджи“, обнималъ собою всю жизнь древнихъ японцевъ. Въ основѣ этого строя лежали, конечно, главнымъ образомъ, хозяйственныя причины. Одинъ чело-вѣкъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы обезпечить себѣ существованіе въ тѣ суровыя времена. Со всѣхъ сторонъ онъ былъ окруженъ опасностями, и природа не поддавалась его единичнымъ усилямъ. Въ силу необходимости, онъ не отдѣлялъ себя отъ той группы людей, съ которыми былъ связанъ естественными отношеніями родства и сосѣдства.

Культъ, основанный на почитаніи общихъ предковъ, еще укрѣплялъ эту естественную связь, придавалъ ей характеръ святости, характеръ божественнаго установленія. Большой родъ, „о-уджи“, пріѣхавшій на одной флотиліи лодокъ, совместно за-

владѣвшій участкомъ земли и совмѣстно обрабатывающій его, вель свое происхожденіе отъ однихъ предковъ и тѣмъ обезпечивалъ нерасторжимость своихъ узъ. Отдѣльный человѣкъ, задумавшій отдѣлиться отъ него, оказался бы не только беззащитнымъ передъ лицомъ природы, но онъ былъ бы лишень покровительства боговъ. Боги знали его только, какъ члена рода, за котораго предстательствуетъ родоначальникъ. Одинъ — онъ ничто въ ихъ глазахъ. И не только отдѣльный человѣкъ, но даже отдѣльная семейная ячейка — „ко“, или маленькій родъ „уджи“, оказывались въ такой же невозможности порвать свою связь съ „о-уджи“. Японскіе историки посвятили много трудовъ подробному изслѣдованію этой древнѣйшей основы быта своей страны и въ половинѣ прошлаго вѣка среди японской молодежи было очень сильно теченіе, ставившее своимъ идеаломъ этотъ первобытный общинно-родовой строй. Но въ то самое время, какъ слагалась и укрѣплялась эта стройная система политической и хозяйственной организаціи общества, рядомъ съ ней начинали дѣйствовать силы, подрывавшія ея основанія.

Населеніе росло, росли постепенно и его потребности, особенно послѣ знакомства съ болѣе высокой культурой Кореи и Китая. Между тѣмъ, при существовавшемъ хозяйственномъ строѣ извлекать изъ земли больше не представляло возможности. Когда цѣлая значительная территорія принадлежала совмѣстно одному большому роду и совмѣстно

обрабатывалась его членами, хозяйство могло вестись только экстенсивное. При увеличеніи населенія оно переставало удовлетворять потребностямъ всѣхъ членовъ рода. Надо было одно изъ двухъ, или увеличить интенсивность культуры, или приобрѣтать новые участки. И то, и другое одинаково вело къ ослабленію родовыхъ узъ. Для перехода къ болѣе интенсивной культурѣ небольшія хозяйственныя группы, — семьи или „ко“, должны были получить больше самостоятельности, выдѣлиться въ болѣе тѣсно связанную и болѣе независимую отъ рода хозяйственную единицу. Съ другой стороны, приобрѣтать новые участки по сосѣдству съ собой родъ не могъ, такъ какъ вся центральная Японія — „о-ямато“ была занята и заселена племенемъ завоевателей; пустующія земли можно было находить только по окраинамъ, отчасти отвоевывая ихъ отъ сосѣдей. Цѣлые роды уже настолько осѣли къ этому времени, что предпринимать новыя переселенія для нихъ не представлялось удобнымъ. Они выдѣляли изъ себя небольшія группы, по большей части семейныя, которыя уходили искать счастья на новыя мѣста. Естественнымъ образомъ, у этихъ колоніальныхъ группъ очень скоро ослабѣвала связь съ метропольнымъ родомъ.

Вмѣстѣ съ этимъ и вообще поднятіе культуры въ странѣ, и бѣлая безопасность жизни дѣлали для человѣка менѣе настоятельно необходимой защиту рода. Но культъ предковъ, освящавшій родовыя отношенія, былъ еще очень силенъ; онъ

глубоко проникъ въ сознаніе населенія и противо-
дѣйствовалъ теченіямъ, подтачивавшимъ значеніе
рода. Экономическія условія, создавшія данный
строй, измѣнялись, но религіозный культъ, вырос-
шій на почвѣ его, былъ еще очень проченъ и мѣ-
шалъ разложенію его.

5.

Начало буддизма.

Для того, чтобы окрѣпить, новое теченіе
должно было найти себѣ поддержку въ какомъ-ни-
будь новомъ культѣ, который разбилъ бы оковы
рода, казавшіяся нерасторжимыми. Такимъ куль-
томъ, принесшимъ съ собой совершенно новое
міропониманіе, совершенно новое отношеніе чело-
вѣка къ самому себѣ, былъ буддизмъ. Онъ про-
никъ въ Японію черезъ Китай и Корею въ VI вѣкѣ
по Р. Х. Въ эту эпоху буддизмъ уже далеко не
былъ той отвлеченной моральной философіей, какъ
въ первое время по основаніи его. Во время дол-
гаго пути черезъ всю Азію онъ впиталъ въ себя
части различныхъ, сначала индійскихъ, а потомъ и
другихъ азіатскихъ религій. Въ Китаѣ подъ име-
немъ буддизма проповѣдывалась религія, имѣвшая
очень мало общаго съ первоначальной, лишенной
всякаго внѣшняго культа, теоріей самоусовершен-
ствованія и самоотреченія. Это была многобожная
религія, въ которой Будда или Амида занялъ мѣсто
верховнаго бога наряду съ другими богами и бо-

гинями. Особеннымъ почтеніемъ среди нихъ пользовалась тысячерукая Кванонъ — богиня милосердія и Фудо — богъ огня и мудрости. Приобрѣтя цѣлый сонмъ боговъ, буддизмъ приобрѣлъ и соотвѣтствующія своему новому содержанію формы — жреческое сословіе, храмы, торжественные богослужебные обряды, однимъ словомъ, всю ту наружную пышность, съ которой онъ боролся вначалѣ. Но, поступившись такимъ образомъ своей первоначальной чистотой, онъ сталъ вмѣстѣ съ этимъ болѣе доступенъ и приобрѣлъ бѣольшую внѣшнюю привлекательность, не утративъ все-таки высоты своего моральнаго ученія. Появившись въ Японіи, онъ сразу приобрѣлъ себѣ множество приверженцевъ. Его внѣшность дѣйствовала на воображеніе, а его моральныя догмы поражали своей новизной и внутренней неопровержимостью. Первобытная японская религія не могла выдержать сравненія съ нимъ ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи. Она была лишена почти всякихъ внѣшнихъ формъ и всякаго моральнаго кодекса. Она не ставила никакихъ нравственныхъ требованій человѣку, она знала только родъ и требовала исполненія извѣстныхъ обрядовъ отъ его представителя.

Японскіе ученые объясняютъ это отсутствіе этической стороны въ первобытной японской религіи тѣмъ, что японцы были народомъ отъ природы нравственнымъ и поэтому не нуждались въ особомъ нравственномъ кодексѣ. Мораль же вообще придумываютъ народы безнравственные, какъ, напр., китайцы.

Какъ бы то ни было, распространеніе буддизма въ Японіи явилось въ ту эпоху большимъ шагомъ впередъ. Человѣческая личность вдругъ пріобрѣтала значеніе, передъ человѣкомъ ставился извѣстный нравственный идеаль, отъ него требовалось соблюденіе извѣстныхъ заповѣдей, на него самого возлагалась отвѣтственность за его поступки. И, наконецъ, передъ нимъ открывалась перспектива будущихъ существованій, т.-е. перспектива будущей жизни. Религія Шинто совсѣмъ не говорила о посмертномъ существованіи для членовъ рода. На безсмертіе могли рассчитывать только микадо, родоначальники и особенно выдающіеся люди, въ родѣ военачальниковъ, обожествлявшіеся въ моментъ смерти.

Первымъ дѣятельнымъ пропагандистомъ буддизма въ Японіи былъ принцъ Шото-Кутайши, сынъ императрицы Суико (593 — 628). Онъ самъ принялъ новую вѣру и распространилъ ее среди своихъ приближенныхъ и ближайшихъ родовъ. Но этотъ актъ вызвалъ сильное неудовольствіе въ странѣ и чуть не стоилъ власти микадо. Принцъ Шото-Кутайши, увлеченный преимуществами буддизма, не обратилъ вниманія на то, что онъ вырываетъ самый фундаментъ власти микадо. Микадо правиль, какъ прямой потомокъ богини солнца, какъ глава всенароднаго культа. Утрачивая эти свойства, онъ утрачивалъ весь свой престижъ. Немедленно нѣсколько сильныхъ родовъ подъ предводительствомъ Сога-уджи воспользовались новой религіей, чтобы

Японія.

Храмъ Шинто въ Никко.

достичь полной независимости отъ центральной власти. Другіе роды соединились для защиты старой религіи. Возникла междоусобная война, при началѣ которой принцъ Шото покончилъ съ собой, считая себя виновникомъ бѣдствій родной страны.

Но, конечно, буддизмъ могъ только по недоразумѣнію усилить могущество отдѣльныхъ родовъ. По всему своему содержанію онъ оказывалъ разрушительное вліяніе на самую сущность родового быта, на безусловное подчиненіе личности роду. Въ этомъ отношеніи онъ дѣйствовалъ именно въ томъ направленіи, какъ и тѣ экономическія теченія, которыя стали сказываться въ эту эпоху. Онъ санкціонировалъ стремленіе личности или хотя бы отдѣльной семейной ячейки выбиться изъ-подъ власти рода и начать жить за свой счетъ.

6.

Реформа „таиква“.

Центральная власть — микадо и его совѣтники почувствовали начавшее зарождаться стремленіе личности къ самостоятельности и поспѣшили воспользоваться имъ въ пользу усиленія этой власти. Одинъ извѣстный историческій дѣятель Японіи, принцъ Нака-на-оіе, получившій очень широкое по тому времени китайское образованіе, предпринялъ рядъ реформъ, объединенныхъ впоследствии подъ именемъ реформъ „таиква“.

Но если въ экономическомъ отношеніи эти ре-

формы опирались на нарождавшіяся уже въ обществѣ новыя теченія, то вся та соціально-политическая форма, въ которую они были облечены, была совершенно чужда Японіи и шла въ разрѣзъ съ ея предыдущей исторіей. Она была цѣликомъ заимствована изъ Китая и почти безъ измѣненія перенесена на японскую почву. Въ этомъ отношеніи реформа „таиква“ представляетъ большую аналогію съ попыткой Карла Великаго привить цѣликомъ идею римскаго государства къ новымъ общественнымъ формамъ, слагавшимся въ Западной Европѣ подъ двойнымъ вліяніемъ римскихъ традицій и новыхъ германскихъ отношеній. Какъ тутъ, такъ и тамъ эта привитая извнѣ реформа была заранѣе обречена на недолговѣчность.

Въ основу реформы „таиква“ было положено представленіе о микадо, какъ о неограниченномъ и полновластномъ монархѣ. Изъ этого представленія уже естественно вытекало уничтоженіе значенія родовъ, какъ независимыхъ и самоуправляющихся группъ, у предѣловъ которыхъ кончалась прежде власть микадо. Теперь всѣ жители страны были объявлены непосредственными подданными микадо, обязанными платить ему подати и браться за оружіе по его приказанію. Роды были официально объявлены уничтоженными. Вмѣсто того, вся страна была подѣлена на провинціи (около 300), управлявшіяся намѣстниками микадо и ихъ помощниками. Такимъ образомъ, вмѣсто федераціи почти независимыхъ родовъ подъ главенствомъ одного предво-

дителя явилась сразу неограниченная бюрократическая монархія. Административный механизмъ, — въ подробности котораго входитъ, конечно, не стоитъ, — былъ цѣликомъ перенесенъ изъ Китая и только слегка видоизмѣненъ согласно мѣстнымъ условіямъ. Но при всей своей стройности система эта не имѣла залоговъ прочности и очень скоро начала сама себя подтачивать. Чтобы уяснить себѣ это, намъ придется остановиться нѣсколько на тѣхъ экономическихъ реформахъ, которыя были предприняты одновременно, и на той организаціи общества, которая явилась слѣдствіемъ ихъ.

Объявивъ микадо неограниченнымъ монархомъ, смѣлые реформаторы объявили одновременно съ этимъ, что вся земля составляетъ его полную собственность. Подданные могутъ только временно владѣть ею. Вслѣдъ затѣмъ была произведена перепись населенія, земля нарѣзана на равные участки и подѣлена между всѣми. Родъ при этомъ совершенно не принимался во вниманіе. Земля давалась семьѣ по числу ея членовъ. На долю каждаго мужского члена считалось $2\frac{1}{2}$ тана, т.-е. около $\frac{1}{4}$ десятины ¹⁾, женщины получали третью долю. Черезъ каждые шесть лѣтъ совершались передѣлы, — надѣлы умершихъ членовъ семьи отбирались, на долю дѣтей, достигшихъ 5-лѣтняго возраста, нарѣзались новые. Семья, или „ко“, была признана, такимъ образомъ, самой меньшей хозяй-

¹ Танъ — около $\frac{1}{10}$ дес.

ственной единицей. Это вполне согласовалось съ тѣмъ теченіемъ, которое мы отмѣчали въ предыдущую эпоху внутри родовъ. Слѣдующей хозяйственной единицей была группа изъ 5 сосѣднихъ домовъ или семей, получившая названіе „гохо“. Семьи, входившія въ составъ „гохо“, были соединены между собой круговой порукой. Это была тоже своего рода община, организованная, главнымъ образомъ, въ фискальныхъ цѣляхъ. Съ нея взыскивались подати, если которая нибудь семья оказывалась въ недоимкахъ, она же должна была платить за выбывшихъ членовъ, до новаго передѣла, на ней же лежало содержаніе неспособныхъ къ труду членовъ.

Надѣлы производились исключительно изъ земель, приготовленныхъ подъ рисовую или садовую культуру. Лѣса, луга, неудобныя или просто нераспаханныя еще земли не вводились въ передѣлы. Лѣса считались общею собственностью. Этотъ взглядъ сохранился въ Японіи и до сихъ поръ и ведетъ къ такимъ же, какъ у насъ, столкновеніямъ изъ-за порубокъ.

Неподѣленные еще остатки удобной земли, а также земли, считавшіяся неудобными, были объявлены личною собственностью микадо, и воздѣлывались за его счетъ подъ наблюденіемъ его наместниковъ. Вотъ эти-то государственныя земли и внесли зачатки разложенія въ эту стройно созданную крестьянско-бюрократическую монархію.

По закону всѣ чиновники должны были полу-

чать жалованье отъ микадо. Въ частности намѣстникъ могъ удерживать прямо опредѣленную часть податей, слѣдовавшихъ съ его провинціи. Очень скоро къ этому жалованью стали присоединяться участки земли, жалуемые намѣстникамъ „за службу“, пока лишь во временное пользованіе — нѣчто въ родѣ нашихъ помѣстій. Изъ этихъ же земель стали отрѣзаться куски и жаловаться просто любимцамъ микадо „за особыя заслуги“ въ пожизненное или даже вѣчное владѣніе — нѣчто въ родѣ „вотчинъ“. Оттуда же благочестивые микадо выдѣляли дары буддѣйскимъ монастырямъ, находившимся подъ ихъ особымъ покровительствомъ. Наконецъ, съ теченіемъ времени и просто частные люди, наиболѣе предприимчивые, получали разрѣшеніе поднять новъ среди пустующихъ земель и оставить за собой въ полное владѣніе вновь обработанный участокъ.

Такимъ образомъ, рядомъ съ общинными владѣніями, подлежащими передѣламъ, возникла частная земельная собственность.

Не прошло и вѣка послѣ проведенія реформъ „тайква“, какъ картина общества снова сильно измѣнилась. Въмѣсто небольшихъ крестьянскихъ общинъ, сплошь покрывавшихъ страну и всюду одинаково управлявшихся чиновниками, въ разныхъ мѣстахъ возникли болѣе или менѣе крупные земельные собственники, съ которыми микадо приходилось очень и очень считаться. Очень часто этими собственниками оказывались прежнія главы

родовъ, соединившіе съ новой намѣстнической властью неугасшій еще въ глазахъ населенія престижъ родовладыки.

Бюрократическій строй совершенно не привился въ ту эпоху. Должности, которыя были созданы для того, чтобы сосредоточить въ рукахъ микадо власть, бывшую раньше у родовъ, очень скоро стали наслѣдственными въ семьяхъ, замѣнившихъ роды. Мало-по-малу страна, спаянная не надолго энергичной волею реформаторовъ, снова стала распадаться на отдѣльныя области, намѣстники которыхъ все меньше считались съ центральной властью и все сильнѣе враждовали между собой.

Нѣсколько разъ болѣе рѣшительные микадо или случайно возвысившіеся роды пытались положить конецъ этому дробленію и розни и снова объединить страну, но попытки ихъ всякій разъ терпѣли неудачу.

Въ этомъ отношеніи VIII, IX и X вв. въ Японіи представляютъ, какъ мы увидимъ далѣе, много аналогій съ эпохой возникновенія феодализма во Франціи. Первые Каролинги оказались такъ же безсильны бороться съ разложеніемъ своей искусственной имперіи, какъ и первые микадо послѣ энергичныхъ авторовъ реформъ. Вышедшіе изъ среды феодальной знати, Капетинги оказались такъ же мало способны объединить Францію, какъ и возвысившійся въ X вѣкѣ родъ Фудживара — Японію. Слабость центральной власти зависѣла не отъ особенностей ея представителей, конечно, совер-

шенно различныхъ въ обѣихъ странахъ, а отъ того общаго историческаго процесса, который совершался и тутъ, и тамъ. Въ Японіи, какъ и во Франціи, неуклонно шелъ процессъ *феодализации* и остановить его искусственно не было никакой возможности. Онъ долженъ былъ совершить весь свой циклъ, прежде чѣмъ пасть окончательно.

Мы остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на этомъ процессѣ, завершеніе котораго и привело Японію къ ея послѣднему перевороту.

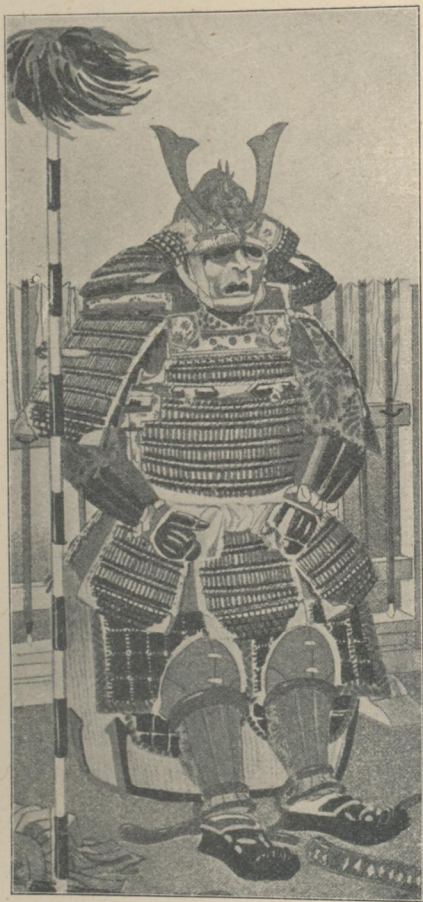
7.

Зарожденіе феодализма.

Въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, протекшаго со времени завоеванія племенемъ ямато Японіи до реформъ „таиква“, вся страна представляла конгломератъ слабо объединенныхъ между собою социальныхъ мірковъ. Сознанія государственнаго единства и общегосударственныхъ интересовъ не могло возникнуть. Не могла, слѣдовательно, и окрѣпнуть сразу введенная сверху централизація. Прежніе социальные навыки должны были несомнѣнно такъ или иначе проявить себя, воспользоваться первой же оставленной имъ лазейкой, чтобъ вступить въ борьбу съ объединяющей властью. Такой лазейкой была допущенная сначала въ видѣ исключенія частная собственность на землю. Происхожденіе ея было разное, но вся она стремилась пріобрѣсти одинъ и тотъ же независимый отъ государства ха-

ракторъ. Намѣстникъ, получая свои земли временно за службу, овладѣвалъ ими настолько прочно, — особенно на окраинахъ, — что не разставался съ ними и оставляя мѣсто. Но и послѣднее случалось рѣдко, — по большей части, когда должность попадала представителю какого-нибудь уважаемаго рода, она не только оставалась за нимъ на всю жизнь, но и закрѣплялась за его потомствомъ. Такой наслѣдственный намѣстникъ становился совершенно независимымъ и безконтрольнымъ хозяиномъ своихъ земель.

Любимцы микадо и придворные, получавшіе земли „за особыя заслуги“, прежде всего выхлопывали, чтобы владѣнія ихъ не подлежали управленію намѣстниковъ, т.-е. обладали „иммунитетомъ“. То же самое въ видахъ поощренія даровалось и тѣмъ частнымъ лицамъ, которыя предпринимали за свой счетъ разработку дѣвственныхъ земель. Этотъ видъ землевладѣнія сталъ особенно быстро развиваться на окраинахъ и вообще на государственныхъ территорияхъ, такъ какъ онъ давалъ возможность частнымъ людямъ обезопасить себя отъ произвола намѣстниковъ. Крестьянскія общины стали быстро разлагаться, выдѣляя изъ себя болѣе предприимчивыхъ людей, отправлявшихся на сторону искать счастья и пріобрѣтать болѣе независимое положеніе собственниковъ. Буддійскіе монастыри, конечно, тоже не замедлили пріобрѣсти иммунитетъ для своихъ земель. Естественнымъ слѣдствіемъ такой иммунитетности всѣхъ этихъ зе-

Японія.

Вооруженіе дайміюса съ маской и
шлемомъ.

мель явилось приобрѣтеніе владѣльцами ихъ нѣкоторыхъ правъ государственной власти. Дѣйствительно, если правительственный чиновникъ не имѣлъ внутри ихъ никакой власти, то эта власть сама собой переходила къ собственнику. Постепенно изъ землевладѣльца только онъ превращался въ правителя на принадлежащемъ ему участкѣ. Отрицательная привилегія, данная ему въ видѣ имунитетности его земли, т.-е. неподвѣдомственности правительственнымъ чиновникамъ, приводила къ положительной, — къ прибрѣтенію имъ самимъ извѣстныхъ правъ государственной власти. Землевладѣніе стало соединяться съ нѣкоторыми государственными правами — моментъ характерный для феодализма.

Такимъ образомъ, въ предѣлахъ государства выдѣлились снова независимые отъ него участки, получившіе названіе „шойеновъ“. Владѣльцы ихъ назывались шойонами. Шойоны старались объединить въ своихъ рукахъ возможно больше земли, дававшей имъ больше власти, и вели между собой борьбу за высшія государственныя должности. Въ концѣ IX в. изъ среды этихъ шойоновъ особенно возвысился родъ Фудживара. Одинъ изъ представителей его достигъ такого могущества, что присвоилъ себѣ титулъ „регента“ и сталъ управлять страной отъ имени совершенно безсильнаго въ то время микадо. Титулъ „регента“ сталъ послѣ того наслѣдственнымъ въ роду Фудживара, и микадо продолжали царствовать лишь номинально.

Первое время регентамъ удалось внести нѣкоторый порядокъ въ дѣла управленія и поддержать внутренній миръ. Наступило временное затишье, и въ культурныхъ центрахъ страны стали быстро развиваться разныя искусства и литература. Этотъ періодъ, — конецъ IX и X вѣкъ, — считается вѣкомъ перваго расцвѣта духовной жизни въ Японіи. Среди японскихъ ученыхъ того времени особенно прославился Сугавара Мичизане, получившій впослѣдствіи имя Тенджина. Мичизане считался первымъ знатокомъ китайской литературы, и самъ писалъ историческія сочиненія и поэмы на китайскомъ языкѣ. Мичизане былъ воспитателемъ наслѣднаго принца и, когда тотъ воцарился, получилъ званіе перваго министра. Но Фудживара не могли допустить возвышенія челоуѣка, не принадлежавшаго къ ихъ роду. Они добились его изгнанія, и онъ умеръ въ Кіу-Сіу въ 903 г. Родъ Мичизане, въ отличіе отъ другихъ родовъ, всегда отличался большой приверженностью къ наукамъ и литературѣ, и очень многіе литераторы и ученые Японіи въ послѣдующія эпохи носили эту фамилію, не исчезнувшую и до нашего времени. Имя ихъ полубогороднаго предка до сихъ поръ пользуется тамъ большимъ почетомъ. Но недолго продолжалось мирное процвѣтаніе страны подъ властью Фудживара. Послѣдующіе регенты оказались такъ же мало способны уничтожить самый источникъ смутъ, какъ и микадо. Уже въ концѣ X и въ XI в. снова съ прежней силой вспыхиваютъ междо-

усобные раздоры. Къ этому времени организація общества на новыхъ началахъ сдѣлала еще шагъ впередъ.

Шойоны стали притягивать къ себѣ не только пустующія земли, но и населенные участки. Иногда это дѣлалось добровольно, иногда по принужденію. Жизнь мелкихъ земельныхъ собственниковъ среди крупныхъ враждующихъ между собой сосѣдей оказывалась черезчуръ опасной. Правительственные чиновники не имѣли часто силъ защитить ихъ. Для нихъ выгоднѣе было обезпечить себѣ защиту какого-нибудь крупнаго шойона. Съ этою цѣлью они признавали верховную власть шойона надъ своимъ участкомъ и иногда обязывались выплачивать ему часть сбора. Взамѣнъ этого участокъ ихъ освобождался отъ власти намѣстника, и они получали поддержку въ случаѣ нападенія другого шойона. Возникала, слѣдовательно, феодальная зависимость мелкаго земельного собственника отъ крупнаго. Рядомъ съ этими земельными отношеніями такая же зависимость возникала и на почвѣ личныхъ отношеній.

Вслѣдствіе слабости правительственной власти крупнымъ шойонамъ для охраны своихъ владѣній необходимо было имѣть собственныхъ воиновъ. Съ другой стороны, при разложеніи прежнихъ крестьянскихъ общинъ появились люди, не пріобрѣтшіе себѣ личной собственности и не имѣвшіе никакой прицѣпки къ землѣ. Эти люди охотно шли на службу къ крупному шойону, клялись ему въ

вѣрности, составляли его постоянную вооруженную дружину, а взамѣнъ получали отъ него содержаніе — жилище и рисъ.

Эти два вида зависимости — земельная и личная часто сливались и переплетались. Воины, особенно у крупныхъ шойоновъ, съ теченіемъ времени стали получать въ вознагражденіе за службу вмѣсто жалованья участки земли и, такимъ образомъ, превращались въ вассаловъ, а болѣе крупные земельные собственники, отдавашіеся подъ его руку, получали право носить оружіе. Всѣ эти вассалы получили впослѣдствіи названіе самураевъ, — имѣющихъ право носить мечъ. И тѣ, и другіе, по возможности, обрабатывали землю не собственными руками, а при помощи земледѣльческаго населенія.

Значительно ниже вассаловъ, приносившихъ шойонамъ свои болѣе или менѣе крупные земельные участки, стояла остальная масса населенія — бывшіе земледѣльцы - общинники. Когда наиболѣе сильные элементы выдѣлились изъ общины и перестали практиковаться на дѣлѣ, общины, какъ таковыя, въ сущности перестали существовать. Остались мелкіе землевладѣльцы, сидящіе на ничтожныхъ надѣлахъ. Отстоять свою самостоятельность отъ крупныхъ шойоновъ они, конечно, были не въ силахъ. Лишенные поддержки слабѣющей правительственной власти, они часто сами предлагали одному изъ сосѣднихъ шойоновъ, или даже самураевъ, работать на него и платить ему подати за то, чтобы онъ защищалъ ихъ отъ остальныхъ. Еще чаще тотъ

принуждалъ ихъ къ этому силой. Въ обоихъ случаяхъ свободные прежде земледѣльцы постепенно превращались въ крѣпостныхъ, обязанныхъ обрабатывать земли шойоновъ и платить подати за свои участки не государству, а имъ. Подати эти постепенно все росли и ко времени полного расцвѣта феодализма поднялись отъ первоначальныхъ 2 — 3% до 50, 60% всего сбора. Въ общихъ чертахъ картина закрѣпощенія мелкаго земледѣльческаго населенія здѣсь совершенно та же, что и въ Западной Европѣ.

Къ началу XII вѣка процессъ постепенной феодализациі общества почти закончился. Теперь монархическая власть въ Японіи существовала лишь номинально. Въ дѣйствительности, страна распалась на множество отдѣльных феодальныхъ мірковъ. Во главѣ каждаго такого мірка стоялъ независимый земельный участокъ, то же что аллодъ въ Западной Европѣ, называвшійся шойеномъ, а въ разныхъ степеняхъ зависимости отъ него располагались вассальныя земли самураевъ. На самомъ низу соціальной лѣстницы стояли крѣпостные земледѣльцы.

Въ своихъ владѣніяхъ шойоны, получившіе позднѣе наименованіе дайміосовъ („высокое имя“), были совершенно полноправными властителями. Никто не могъ вмѣшиваться въ отношенія ихъ съ подданными. Впрочемъ, характеръ зависимости отъ дайміоса различныхъ группъ населенія его владѣній былъ далеко не одинаковъ. Въ отношеніи земле-

дѣльцевъ, обрабатывавшихъ его поля, власть его была совершенно неограниченна, по характеру своему она ближе всего подходила къ власти нашихъ помѣщиковъ надъ крѣпостными крестьянами. По отношенію къ своимъ вассаламъ-самураямъ онъ являлся скорѣе въ качествѣ ихъ предводителя, главы рода. Конечно, феодальная ячейка, состоявшая изъ дайміоса и его самураевъ, не имѣла ничего общаго съ прежнимъ родомъ, такъ какъ между самураями и ихъ главою — дайміосомъ не было никакого родства. Ихъ связывалъ лишь свободный договоръ. Но по традиціи новая феодальная группа продолжала носить названіе рода. Для поддержанія этой фикціи самурай, вступая на службу къ дайміосу и получая отъ него землю, выпивалъ съ нимъ общую чашу, въ которой должны были заключаться нѣсколько капель крови того и другого. Этотъ обрядъ символизировалъ то, что между дайміосомъ и самураями должны были существовать родственныя отношенія. Въ строгомъ смыслѣ слово родъ слѣдовало бы примѣнять только къ династіямъ самихъ дайміосовъ, но, распространяя, его примѣняли ко всей совокупности феодальной группы. Быть можетъ, правильнѣе поступаютъ тѣ историки, которые, по аналогіи, называютъ этотъ новый феодальный родъ „кланомъ“. Во всякомъ случаѣ, оба эти названія надо понимать условно, относя ихъ ко всей совокупности лицъ, связанныхъ между собой феодальными отношеніями.

Право владѣнія шойеномъ переходило по на-

слѣдству отъ отца къ которому-нибудь изъ его сыновей по его назначенію. Но дробить свое владѣніе дайміосъ по обычаю не могъ. Впослѣдствіи этотъ обычай перешелъ и въ законодательство.

Взаимныя отношенія отдѣльныхъ шойоновъ или дайміосовъ между собою не были рѣшительно ничѣмъ урегулированы. Они опредѣлялись только соотношеніемъ ихъ силъ. Они переманивали другъ у друга самураевъ, оттягивали земли и крѣпостныхъ,—постоянныя кровопролитныя столкновенія между ними господствовали на всемъ протяженіи страны. Единственнымъ закономъ, общимъ для всѣхъ, было право меча.

Военное ремесло стало считаться единственнымъ достойнымъ благороднаго человѣка. Кто не носилъ меча, тотъ заслуживалъ презрѣнія. Зато владѣніе оружіемъ, дѣйствительно, доведено было у нихъ до совершенства. Специально для мечей приготовлялась удивительная сталь, и самурай гордился тѣмъ, что онъ можетъ своимъ мечемъ перерубить сразу три трупа, положенные другъ на друга. „Мечъ — душа самурая“, говоритъ старая японская пословица. Съ дѣтства упражнялись они въ военныхъ приемахъ и воспитывали въ себѣ храбрость и рѣшительность. Въ военномъ отношеніи самураи были идеальные воины. Они и въ настоящее время составляютъ основу японскаго войска. Офицерство сплошь состоитъ изъ бывшихъ самураевъ, да и среди солдатъ при всеобщей воинской

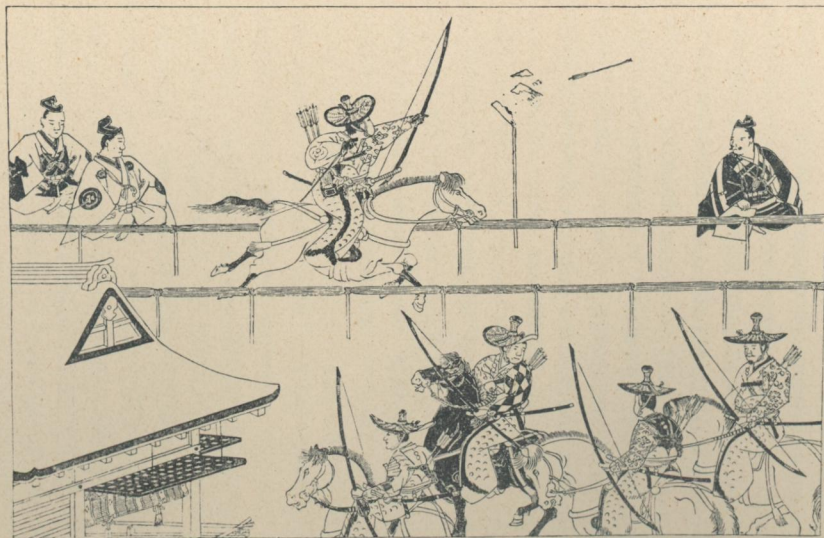
повинности попадаетъ очень много потомковъ прежнихъ благородныхъ рыцарей.

Въ эпоху расцвѣта феодализма впервые произошло обособленіе военнаго сословія. Первоначально всякій земледѣлецъ по требованію микадо или намѣстника долженъ былъ становиться воиномъ. Теперь же война и подготовка къ ней стала поглощать столько времени, что уже перестала совмѣщаться съ какими бы то ни было другими занятіями. Обработка земли, торговля, умственные занятія — все это считалось ниже достоинства самурая.

Въ родовомъ смыслѣ самураями назывались всѣ носящіе оружіе, т.-е. и дайміосы, въ томъ числѣ; самурай соотвѣтствуетъ рыцарю въ Европѣ.

При такихъ условіяхъ культура страны не могла сколько-нибудь значительно развиваться. Единственными очагами просвѣщенія оставались буддійскіе храмы и монастыри. За исключеніемъ ихъ, вся страна превратилась въ сѣть вооруженныхъ лагерей, а населеніе распалось на крѣпостныхъ земледѣльцевъ и жившихъ на ихъ счетъ и воевавшихъ между собой рыцарей-самураевъ.

Нельзя не упомянуть, что при всѣхъ своихъ отрицательныхъ сторонахъ феодализмъ создалъ и въ Японіи свою особую, часто очень возвышенную, „рыцарскую“ мораль. Понятіе о долгѣ, вѣрности и чести достигло тамъ крайней степени своего развитія, конечно, въ высшемъ военномъ сословіи. За честь всякій самурай готовъ былъ положить жизнь. Оскорбленіе чести смывалось только кровью.

Японія.

Стрѣльба изъ лука самураевъ.

(Японскій рисунокъ.)

Вѣрность своему роду и своему дайміосу ставилась выше всѣхъ остальныхъ добродѣтелей. Общее презрѣніе обрушивалось на тѣхъ, кто рѣшался измѣнить ей ради какихъ-нибудь корыстныхъ расчетовъ. Если кто-нибудь изъ самураевъ добровольно переходилъ къ болѣе богатому дайміосу, всѣ его прежніе товарищи отвергивались отъ него и считали униженнымъ всякое общеніе съ нимъ. Особенно низкой считалась измѣна въ ту минуту, когда весь родъ испытывалъ какое-нибудь бѣдствіе. Своеобразное военное братство связывало между собою всѣхъ самураевъ одного рода. За оскорбленіе одного возставали всѣ; если оскорбленнымъ былъ представитель рода — дайміось, каждый самурай готовъ былъ положить свою жизнь для возстановленія его чести. При обиліи поводовъ для разнаго рода столкновеній, они происходили постоянно, и почти не бывало момента, чтобы въ той или другой части страны не раздавался звонъ оружія.

Въ мирные промежутки самураи проводили время въ военныхъ упражненіяхъ и играхъ. Старшіе учили младшихъ владѣть оружіемъ и соперничали другъ съ другомъ въ разныхъ военныхъ приемахъ. Иногда эти военныя игры обставлялись очень торжественно, — происходило нѣчто подобное рыцарскимъ турнирамъ въ Европѣ, съ тою только разницею, что самураи упражнялись обыкновенно пѣшіе. Порой они такъ увлекались борьбой, что наносили другъ другу серьезные раны, или даже одинъ изъ соперниковъ оставался мертвымъ на аренѣ состязаній. Поединки между

самураями тоже не были тамъ рѣдкостью. При повышенномъ представленіи о чести, малѣйшее нарушеніе выработавшагося тамъ постепенно сложнаго феодальнаго этикета считалось оскорбленіемъ и вело къ поединку, нерѣдко имѣвшему смертельный исходъ.

Сходство японскаго рыцарства съ европейскимъ сказалось еще въ одномъ явленіи, развившемся на его почвѣ. Тамъ, какъ и въ Европѣ, въ періодъ расцвѣта рыцарства стали появляться странствующие рыцари. То тутъ, то тамъ изъ среды самураевъ выдѣлялись личности съ болѣе высокими нравственными требованіями, съ болѣе тонкимъ нравственнымъ чувствомъ, — царившая кругомъ неправда, угнетеніе слабыхъ сильными глубоко оскорбляли ихъ, и они рѣшались посвятить свои силы защитѣ слабыхъ и борьбѣ съ насиліемъ. Они выходили изъ своего рода, — самурай не былъ прикрѣпленъ къ дайміосу, договоръ ихъ былъ расторгимъ, — и отправлялись странствовать по свѣту. Съ выходомъ изъ рода они теряли все, что имѣли, и землю, и содержаніе, но это не пугало ихъ, — бѣдные, часто полуголодные, но съ неизмѣнными двумя мечами у пояса, скитались они по дорогамъ, вступая во всякую борьбу, которая имъ казалась законной, заступаясь за всякаго, кто казался имъ несправедливо обиженнымъ. Въ японскихъ историческихъ романахъ можно встрѣтить не одинъ типъ этихъ японскихъ Донъ-Кихотовъ, всегда нѣсколько наивныхъ, но всегда высоко благородныхъ и безукоризненно честныхъ.

Впослѣдствіи, въ эпоху разложенія феодализма эти странствующие самураи — „ронины“, какъ ихъ называли, — сильно измѣнили свой первоначальный характеръ, какъ и всѣ самураи вообще. Очень часто изъ защитниковъ слабыхъ они превращались въ настоящій бичъ населенія, — въ вооруженныхъ бродягъ, грабившихъ мирныхъ жителей.

Но и въ блестящую эпоху рыцарства „ронины“ эти являлись, конечно, только свѣтлыми исключеніями на мрачномъ фонѣ средневѣковой японской жизни. Правиломъ была беспощадная война всѣхъ противъ всѣхъ. Роды соперничали между собой, усиливались за счетъ сосѣдей и снова падали, не выдерживая постоянной напряженной самообороны. То одинъ, то другой родъ выплывалъ на поверхность и временно заставлялъ всѣхъ признавать свое главенство.

8.

Юритомо и завершение феодального строя.

Въ началѣ XII вѣка двумъ родамъ удалось достигъ наибольшаго могущества — роду Таира и Минамото. Между ними, конечно, возникло жестокое соперничество, очень скоро перешедшее въ открытую войну. Долгіе годы длились кровопролитныя стычки, пока, наконецъ, Минамото совершенно обезсилѣли, предводитель ихъ былъ убитъ въ битвѣ, а войско разсѣяно. Побѣдители завладѣли ихъ землями, изгнали вассальныхъ землевладѣльцевъ и, ме-

жду прочимъ, захватили въ плѣнъ мать жены павшаго даймюса. Женѣ его съ тремя маленькими сыновьями удалось бѣжать и скрыться. Но когда она узнала, что мать ея въ плѣну, въ ней поднялась сильнѣйшая борьба между дочернимъ и материнскимъ долгомъ. Ради дѣтей она должна была спастись и прятать ихъ отъ рукъ безжалостнаго врага, но чувство дочери побуждало ее вернуться спасать мать. Наконецъ, она рѣшила попытаться достичь того и другого. Она снова пустилась въ путь со всѣми дѣтьми и пошла прямо во дворецъ къ своему врагу Кіимори. Единственной ея защитой должна была быть ея красота. Разсчетъ ея оказался вѣренъ, Кіимори не могъ устоять противъ слезъ прекрасной женщины. Онъ отпустилъ на свободу ея мать и обѣщалъ пощадить ея дѣтей, подъ условіемъ, чтобы она согласилась стать его наложницей. Токива принесла эту жертву своимъ сыновьямъ, и Кіимори отослалъ ихъ всѣхъ въ разные буддійскіе монастыри.

Старшій изъ нихъ былъ Іоритомо, будущій возстановитель чести и могущества рода Минамото. Второй — Йошитсуне — одинъ изъ любимыхъ народныхъ героев Японіи. Монахи, воспитавшіе ихъ, получили предписаніе употребить всѣ усилія, чтобы посвятить ихъ тоже въ монашескій санъ. Но мальчики не проявляли наклонности къ этому. Когда второму — Йошитсуне — исполнилось 16 лѣтъ, онъ убѣждалъ изъ монастыря и отправился тайно къ прежнимъ вассаламъ своего отца — напомнить имъ ихъ

клятвы. Заручившись ихъ поддержкой, онъ явился въ убѣжище къ старшему брату и предложилъ ему возобновить борьбу за честь своего рода. Юритомо согласился, они собрали войско, и старшій братъ сейчасъ же выступилъ въ походъ. Но предводитель былъ еще неопытенъ и войско незначительно. Многіе изъ прежнихъ самураевъ Минамото не присоединились къ нему, такъ такъ не вѣрили въ успѣхъ его предпріятія. Въ первой же рѣшительной битвѣ онъ былъ разбитъ на голову и самъ спасся только благодаря находчивости одного тайнаго сторонника. Убѣгая отъ побѣдителей, онъ спрятался въ дуплѣ одного громаднаго дерева. Посланный за нимъ воинъ оказался прежнимъ самураемъ его отца. Онъ подбѣжалъ къ дереву, замѣтилъ въ немъ сына своего господина, ткнулъ мечомъ въ дупло такъ, чтобъ не повредить его, и крикнулъ, что въ дуплѣ только пауки ткуютъ свою паутину, да птицы охотятся за ними. Въ отвѣтъ на это изъ отверстія, дѣйствительно, выпорхнули два голубя. Воины Таира удалились, и Юритомо былъ спасенъ. Съ этихъ поръ родъ Минамото не употреблялъ въ пищу голубей.

Юритомо снова сталъ собирать своихъ сторонниковъ. Йошитсуне въ это время былъ на сѣверѣ и вернулся оттуда съ большимъ войскомъ. Силы Минамото все росли, и постепенно перевѣсъ сталъ клониться на ихъ сторону. Въ это время старый вожь Таира — Кімори умеръ. Его послѣдними словами были: „Я жалѣю только о томъ, что не

видѣлъ головы вождя Минамото — Ёритомо. Когда я умру, не молитесь Буддѣ и не читайте священныхъ книгъ. Срубите голову Ёритомо и положите ее на мою могилу“.

Сынъ Кіимори — Мунемори сталъ терпѣть одно пораженіе за другимъ. Наконецъ, ему удалось собрать значительное войско и укрѣпиться въ столицѣ Японіи — Кіото. Ёритомо послалъ противъ него своего брата Ёошитсуне, и тамъ между двумя войсками произошла послѣдняя битва (въ 1189 г.). Мунемори былъ взятъ въ плѣнъ и обезглавленъ на могилѣ своего отца, ближайшіе его родственники перебиты, а всѣ вассалы рода Таира подверглись изгнанію и разграбленію. Во время битвы у Кіото, микадо, въ то время семилѣтній мальчикъ, тоже погибъ. По преданію его мать утопилась вмѣстѣ съ нимъ въ морѣ, чтобъ не дать побѣдителямъ завладѣть имъ. Она сама происходила изъ рода Таира и не могла пережить его пораженія.

Неограниченная власть находилась теперь въ рукахъ Ёритомо. Прежде всего онъ посадилъ на престолъ того изъ родственниковъ прежняго микадо, который стоялъ въ этой борьбѣ на сторонѣ рода Минамото. Самъ онъ остался жить въ прежней резиденціи своего рода — Камакурѣ.

По преданію въ самомъ началѣ своего фактическаго господства надъ страной онъ запятналъ себя низкой мстью брату. Когда Ёошитсуне покорилъ Кіото и возвращался въ Камакуру съ побѣдоноснымъ войскомъ, братомъ его овладѣла зависть къ его по-

бѣдамъ и страхъ передъ его растущей славой. Онъ послалъ сказать ему, чтобы онъ не шель въ Камакуру, сдать посланному всѣ трофеи и ждалъ его приказаній въ монастырѣ въ Еношимѣ. Йошитсуне, глубоко оскорбленный такой встрѣчей, написалъ брату письмо, въ которомъ доказывалъ, какъ тотъ неправъ въ своихъ подозрѣніяхъ, и какъ онъ всегда и во всемъ руководился только вѣрностью долгу и честью рода. Но объясненія не повели ни къ чему. Юритомо приказалъ ему оставаться въ заточеніи. Его уединеніе тамъ раздѣлялъ только его старый слуга и вѣрный другъ изъ союзнаго рода Фудживара — Хидехира. Но вскорѣ Хидехира умеръ, а сынъ его, желая заслужить милость Юритомо, предательски умертвилъ друга своего отца.

Вѣсть о смерти Йошитсуне произвела сильное впечатлѣніе среди населенія, и Юритомо, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе, долженъ былъ примѣрно наказать своего черезчуръ усерднаго приверженца. Но народъ не могъ примириться съ ранней смертью своего любимца, и имя Йошитсуне воскресаетъ во множествѣ легендъ. По одному изъ преданій Йошитсуне переправился на азіатскій материкъ и въ послѣдствіи покорилъ всю Азію подъ именемъ Чингисъ-хана.

Восторжествовавъ надъ своими врагами и избавившись отъ опаснаго соперничества брата, Юритомо рѣшилъ упрочить положеніе свое и своего рода. Въ 1192 году онъ принудилъ микадо дать ему титулъ Сеи-тай-шогуна (побѣждающаго вра-

говъ генерала). Съ этихъ поръ шогунъ¹ неизмѣнно стоитъ рядомъ съ микадо, а фактически вся власть микадо переходитъ въ сущности въ его руки. Изъ военного генерала и перваго министра онъ постепенно превращается въ главу правительства, оставляя на долю микадо внѣшнія почести и ореолъ божественнаго происхожденія. Власть шогуна растетъ вмѣстѣ съ усиленіемъ центральной власти вообще, и ко времени упадка феодализма онъ является реальнымъ правителемъ страны, хотя микадо никогда не перестаютъ номинально царствовать, и всѣ распоряженія верховной власти неизмѣнно дѣлаются именемъ микадо.

Присвоивъ себѣ званіе шогуна, Іоритомо рѣшилъ, не теряя времени, обезпечить гегемонію своего рода надъ остальными родами. До сихъ поръ мы видѣли, что слагавшійся естественнымъ путемъ феодальный строй Японіи вылился въ многоголовое феодальное общество, т.-е. феодальные мірки, состоящія изъ іерархіи вассальныхъ земель, имѣли во главѣ своей совершенно независимый земельный участокъ—шойенъ, соотвѣтствующій аллоду въ западной Европѣ. Теперь Іоритомо припомнилъ прежній законъ, по которому вся земля составляла собственность микадо и, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, объявилъ всѣхъ дайміосовъ ленниками престола, главою

¹ Слово это допускаетъ двойное правописаніе: шогунъ и сіогунъ, такъ какъ первая буква его произносится въ Японіи звукомъ среднимъ между смягченнымъ с и ш. То же самое можно замѣтить относительно всѣхъ словъ, начинающихся этимъ звукомъ, какъ шинто, шойонъ, Шикоку и др.

же ихъ объявилъ представителя микадо — шогуна, т.-е. въ данный моментъ самого себя. Онъ не стремился, такимъ образомъ, вступить въ борьбу съ феодальнымъ строемъ и уничтожить его, онъ только далъ ему его естественное завершѣніе — довелъ до конца феодальную лѣстницу. Изъ многоголоваго феодализмъ сталъ теперь одноголовымъ. Во главѣ его стоялъ всеобщій сеньоръ — шогунъ; далѣе шли его ленники — даймюсы, далѣе ихъ вассалы, и вассалы ихъ вассаловъ — самураи и, наконецъ, въ самомъ низу — крѣпостная масса населенія. Въ качествѣ всеобщаго сеньора шогунъ получилъ право верховнаго суда надъ даймюсами. Въ случаѣ ссоръ между собой, они должны были обращаться къ нему за разборомъ и безусловно подчиняться его рѣшенію. Юритомо не былъ основателемъ феодализма, какъ считаютъ нѣкоторые авторы, онъ былъ только его завершителемъ. И даже болѣе, приведя феодальную систему къ одному центру, онъ тѣмъ самымъ проложилъ путь ея будущему паденію. Паденіе это наступило еще не скоро, только черезъ два вѣка, но первый шагъ къ нему все-таки былъ сдѣланъ Юритомо въ началѣ XIII вѣка.

Конечно, Юритомо могъ поддерживать свое господствующее положеніе только силою оружія и своего личнаго авторитета; его потомки очень скоро утратили обаяніе его власти и выпустили изъ своихъ рукъ званіе шогуна. Но самый титулъ шогуна, какъ леннаго сеньора, продолжалъ существовать и

служилъ вѣчнымъ яблокомъ раздора между наиболѣе могущественными родами.

Уже въ концѣ того же XIII вѣка шогунатъ переходитъ въ родъ Ходжо. Во время господства рода Ходжо Японіи угрожала громадная опасность монгольскаго нашествія. Въ Китаѣ въ это время водворилась монгольская династія, и основатель ея — Кублай-ханъ, подчинивъ себѣ Корею, задумалъ овладѣть и Японіей. Сначала онъ посылалъ туда пословъ съ предложеніемъ признать его верховную власть и выплачивать ему дань. Но когда предложеніе это было съ негодованіемъ отвергнуто шогуномъ, онъ снарядилъ большой военный флотъ и отправилъ его въ Японію (1281 г.). Въ Японіи это нашествіе вызвало сильный подъемъ національнаго чувства. Всѣ дайміосы наперерывъ посылали свои войска, и подъ предводительствомъ шогуна собралась стотысячная армія. Она была посажена на корабли и отправлена на встрѣчу китайскому флоту. У одного изъ острововъ между Японіей и Кореей произошло столкновеніе, и японцы одержали рѣшительную побѣду. Налетѣвшій тифонъ разсѣялъ остатки непріятельскаго флота, и попытка нашествия на Японію окончилась полной неудачей.

Но воскресшее на одинъ моментъ сознаніе національнаго единства заглохло такъ же быстро, какъ и разгорѣлось. Снова начались раздоры феодальныхъ родовъ, еще болѣе непримиримые, чѣмъ раньше. XIV и XV вѣка считаются самымъ смутнымъ и кровопролитнымъ періодомъ японской исторіи. Власть

шогуна переходить изъ одного рода въ другой и не можетъ сдержать столкновений отдѣльныхъ родовъ. Даже императорская власть становится игрушкою въ рукахъ возвысившихся родовъ. Неудобные всесильнымъ шогунамъ микадо принуждаются къ отреченію отъ престола, наслѣдники объявляются по ихъ указанію. Бывали моменты, когда кромѣ царствовавшего микадо въ живыхъ бывало по два и даже по три эксъ-микадо. Въ XIV вѣкѣ между двумя претендентами на престолъ вспыхнула настоящая война, продолжавшаяся болѣе полувѣка съ 1326—1392 гг. Въ сущности, это была, конечно, война не между самими претендентами, а между выставявшими ихъ могущественными родами — между начинавшимъ падать родомъ Ходжо и возвышавшимся родомъ Ашикага. Эта продолжительная междоусобная война получила въ Японіи названіе, напоминающее войну алой и бѣлой розы въ Англіи, — война красной и бѣлой хризантемъ. Хризантема — цвѣтокъ императорскаго герба; во время столкновенія одинъ изъ претендентовъ избралъ себѣ красный, а другой бѣлый цвѣтъ.

Въ этой войнѣ, переполненной драматическими эпизодами — геройскими подвигами и низкими измѣнами, прославились особенно два героя — Нитта Йошисада и Кузуноки Масашиге. Оба они были въ войскахъ Ходжо и болѣе законнаго претендента, и оба въ концѣ концовъ были побѣждены болѣе многочисленными противниками. Несмотря на это, имена ихъ до сихъ поръ пользуются большимъ

почтеніемъ въ Японіи. Нитта Йошисада считалъ своимъ долгомъ сражаться за то дѣло, которое представлялось ему правымъ, и въ то же время страдалъ при мысли, какія бѣдствія испытываетъ отъ вѣчныхъ войнъ его родина. Однажды, когда онъ со своимъ войскомъ встрѣтился съ арміей Ашикага, онъ вышелъ впередъ и сказалъ предводителю непріятелей: „Долго длится война въ странѣ. Началась она соперничествомъ двухъ микадо, но исходъ ея теперь зависитъ отъ васъ и отъ меня. вмѣсто того, чтобы губить миллионы народа, кончимъ ее поединкомъ между вами и мной“. Но предводитель войскъ рода Ашикага не рѣшился на такой героическій выходъ. Войска вступили въ бой, и войско Нитты было разбито болѣе многочисленными непріятелями. Самъ онъ, чтобы избѣжать позора, не только совершилъ надъ собой хара-кири, но еще предварительно изувѣчилъ себя лицо, чтобы не быть узнаннымъ врагами.

Кузуноки Масашиге былъ послѣднимъ предводителемъ силъ законнаго императора. Онъ отдалъ все свое состояніе, всѣ силы и всѣ дарованія правому въ его глазахъ дѣлу. Не отступая ни передъ чѣмъ, не впадая въ уныніе, онъ боролся до послѣдней возможности, до тѣхъ поръ, пока всѣ попытки остановить побѣдоносное движеніе Ашикага, были испробованы, пока всѣ войска Ходжо были разбиты. И тутъ еще онъ продолжалъ биться за свой страхъ съ небольшою горстью приверженцевъ. И только когда онъ и въ этотъ разъ потерпѣлъ

Японія.

Самурай.

Хитта Йошисада.

(Японські рисунки.)

пораженіе, онъ уже не смогъ пережить позора и также совершилъ надъ собой хара-кири. Шестьдесятъ его преданныхъ друзей покончили съ собой вмѣстѣ съ нимъ. Масашиге считается однимъ изъ самыхъ благородныхъ примѣровъ беззавѣтной преданности долгу въ японской исторіи. Съ его смертью дѣло Ходжо было окончательно проиграно. На престолѣ въ Кіото былъ посаженъ второй претендентъ, а шогунатъ окончательно укрѣпился за родомъ Ашикага. Онъ уже не выходилъ болѣе изъ ихъ рукъ до половины XVI вѣка, т.-е. въ теченіе 1 $\frac{1}{2}$ вѣковъ.

Періодъ господства рода Ашикага можно считать періодомъ полного расцвѣта феодализма. Всѣ его характерныя черты достигли полного выраженія и вмѣстѣ съ тѣмъ стали развиваться явленія, сыгравшія впослѣдствіи роль при его паденіи.

9.

Первоначальная исторія городовъ.

Обычная форма феодальныхъ поселеній въ то время представляла собой замки даймиоса и его ближайшихъ самураевъ, окруженные поселеніемъ крѣпостныхъ, воздѣлывавшихъ его земли. Въ отличіе отъ европейскихъ замковъ японскіе никогда не окружались стѣнами. Ихъ живой оградой должны были служить окружавшія ихъ жилища подданныхъ. Изъ этихъ поселеній и развились впослѣдствіи почти всѣ японскіе города. Долгое время они были ре-

зиденціями помѣстныхъ владѣльцевъ. Съ теченіемъ времени изъ среды крѣпостной массы, жившей во-кругъ помѣщика, стали выдѣляться люди, занимавшіеся, кромѣ земледѣлія, тѣмъ или другимъ ремесломъ. Растущія потребности феодальной знати вызывали все большую спеціализацію этихъ ремесль и мало-по-малу наиболѣе искусные работники были совобождены отъ обязанности воздѣлывать землю и стали заниматься исключительно тѣмъ или другимъ видомъ промышленнаго труда. Но, избавляясь отъ обязанности обрабатывать земли помѣщика, ремесленники не избавлялись, конечно, отъ крѣпостной зависимости. Впрочемъ, дайміосы особенно въ началѣ не притѣсняли ремесленниковъ. Они готовы были, наоборотъ, оказывать имъ всякія льготы за то, чтобы пользоваться результатами ихъ труда. Сначала, когда промышленность была еще на первой стадіи развитія, каждая феодальная ячейка удовлетворяла себя, и торговли между ними почти не существовало. Въ то время ремесленники платили сеньорамъ подати непосредственно своими произведеніями. Но съ развитіемъ промышленности стала возникать и торговля, и вмѣстѣ съ этимъ дайміосы стали налагать извѣстный оброкъ на право занятія тѣмъ или другимъ ремесломъ или торговлей.

Дальнѣйшимъ шагомъ въ жизни такихъ крѣпостныхъ городовъ было основаніе ремесленныхъ гильдій или „ца“. Первоначальная цѣль устройства этихъ „ца“ была чисто фискальная, только не общегосударственная, а мѣстная, шойенная. Дай-

міосу неудобно было имѣть дѣло съ каждымъ ремесленникомъ въ отдѣльности. Онъ предпочиталъ назначать извѣстный оброкъ со всѣхъ, занимающихся даннымъ ремесломъ. Но для того, чтобы этотъ оброкъ могъ собираться, необходимо было всѣмъ, работающимъ въ данной отрасли, составить одну корпорацію или гильдію. Гильдія съ своей стороны требовала немедленно нѣкоторыхъ гарантій. Важнѣе всего для нея было, чтобы никто, не принадлежащій къ гильдіи, не могъ заниматься даннымъ ремесломъ въ данной мѣстности. Для нея это было очень существенно, такъ какъ такой единичный ремесленникъ былъ бы поставленъ въ болѣе выгодныя условія, сравнительно съ членами гильдіи, не платя никакого оброка. Сеньоръ охотно давалъ такую гарантію, такъ какъ это совпадало и съ его интересами.

Постепенно во всѣхъ городахъ выдѣлился рядъ замкнутыхъ гильдій, съ самыми строгими обычаями, опредѣляющими ихъ права и обязанности и подкрѣпленными силою оружія феодала. Въ XIV и XV вѣкахъ, ко времени шогуната рода Ашикага гильдейскіе обычаи настолько выработались, что они были превращены въ общеобязательные законы, изданные шогуномъ, какъ общимъ леннымъ сеньоромъ. Число членовъ каждой мѣстной гильдіи было строго опредѣлено такъ же, какъ и платимый каждымъ оброкъ, а за тайное занятіе нѣкоторыми, особенно привилегированными, ремеслами полагалась смертная казнь. Участіе въ гильдіи переходило по

наслѣдству, и его запрещалось перепродавать постороннимъ. Впрочемъ, случаи продажи своего права все-таки бывали довольно часто.

Со временемъ ремесленники и торговцы стали преобладающимъ населеніемъ городовъ. Земледѣльцы оттѣснены были къ окраинамъ или выселялись совсѣмъ, ближе къ своимъ участкамъ. Города приобрѣтали, главнымъ образомъ, промышленный и торговый характеръ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно приморскихъ, значительно развилась торговля и не только внутренняя, но даже и внѣшняя — съ Кореей и Китаемъ. Тѣмъ не менѣе, города эти считались крѣпостными владѣніями даймѣсовъ и управлялись непосредственно ими или кѣмъ-нибудь изъ ихъ вассаловъ. Нѣсколько иначе развивались города на территоріи шогуна. Они возникли позднѣе, не переживали совсѣмъ земледѣльческаго періода, сразу стали промышленными центрами и обладали значительно большей самостоятельностью.

Дальнѣйшее развитіе городовъ тѣсно связано съ эволюціей, происходившей въ XIV и XV вѣкахъ внутри самого феодального строя.

Достигнувъ полного расцвѣта къ XIII вѣку, онъ сталъ роковымъ образомъ самъ себя подтачивать. Война, составлявшая его душу, должна была погубить его.

Постоянныя столкновенія между отдѣльными родами страшно ослабляли ихъ и разоряли населеніе. Отношеніе между военной и земледѣльческой частью

населенія каждаго феода постепенно сильно измѣнилось. Непроизводительное [военное сословіе непропорціонально разрослось, и содержаніе его ложилось непосильнымъ бременемъ на крѣпостныхъ земледѣльцевъ. Дайміосъ не могъ уже теперь, какъ прежде, довольствоваться небольшою дружиною изъ своихъ вассаловъ, имѣвшихъ собственныя участки и бравшихся за оружіе по его приказанію. Роду, который хотѣлъ возвыситься надъ другими, нужны были большія массы войскъ. Конечно, всѣ эти солдаты не могли быть земледѣльцами, для нихъ не хватило бы никакихъ земель. Они просто содержались насчетъ доходовъ самого дайміоса и составляли его постоянное войско. Въ составъ этого войска входили самые разнообразныя элементы: и младшіе сыновья горожанъ, не имѣвшіе доступа въ гильдію, и окончательно разорившіеся крѣпостные съ собственныхъ земель, и бѣглецы изъ другихъ владѣній. Конечно, эти воины новой формациі не были уже прежними рыцарями-самураями, хотя они продолжали носить названіе самурая и имѣли два традиціонныхъ меча у пояса. Они не выпивали общей чаши съ дайміосомъ и не входили въ составъ рыцарскаго братства, они какъ бы не принадлежали къ самому роду, а только были у него на службѣ. Содержаніе этого войска стоило очень дорого, а между тѣмъ доходы дайміосовъ увеличивались туго. При постоянныхъ войнахъ населеніе страшно страдало, непріятельскіе солдаты безъ зазрѣнія совѣсти грабили его, часто цѣлыя

селенія опустошались, и поля стояли неводѣланныя. Единственнымъ крупнымъ источникомъ дохода были города и особенно купцы. Постоянно нуждавшіеся въ деньгахъ дайміосы часто попадали въ настоящую зависимость отъ нихъ. Чтобы получать съ нихъ деньги, дайміосы готовы были давать имъ какія угодно привилегіи и всячески поощряли ихъ начавшуюся внѣшнюю торговлю съ Кореей и Китаемъ.

Благодаря этимъ привилегіямъ, города стали быстро расти и богатѣть. Но вмѣстѣ съ этимъ они, конечно, пріобрѣтали значительную самостоятельность и постепенно освобождались отъ подчиненія дайміосу. Желая создать изъ нихъ постоянный источникъ дохода, феодалы незамѣтно для себя дали имъ развиться настолько, что они стали опасны для нихъ самихъ. Рядомъ съ феодалами появилась новая сила, съ которой имъ приходилось считаться и которую они часто не въ состояніи были держать въ повиновеніи. Эти народившіеся торгово-промышленные центры — города сильно страдали отъ постоянныхъ войнъ и смутъ, царившихъ въ странѣ, отъ отсутствія какихъ-нибудь прочныхъ законовъ, регулирующихъ общественную жизнь и обезпечивающихъ личную и имущественную безопасность жителей. Отъ этого же, какъ мы видѣли, страдало и сельское населеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сами дайміосы сознавали это и старались оградить населеніе отъ окончательнаго разоренія. Но частныя мѣры, принимаемыя ими, имѣли

мало результата, такъ какъ они не могли дать главнаго — обезпечить миръ, необходимый для культурнаго развитія страны. Сами даймиосы часто не въ силахъ были отстаивать свою самостоятельность отъ болѣе сильныхъ сосѣдей. Болѣе мелкіе роды разорялись совершенно или главы ихъ должны были отдаваться въ вассальную зависимость болѣе могущественнымъ феодаламъ. Крупные, наоборотъ, страшно усиливались и превращались въ настоящихъ удѣльныхъ князей, объединявшихъ въ своихъ рукахъ громадныя земли и постоянно воевавшихъ между собой. Среди нихъ къ срединѣ XVI вѣка особенно усилился знаменитый въ послѣдствіи родъ Токугава, соединившій въ своихъ рукахъ до трети всей территоріи Японіи.

Такимъ образомъ, объединенный по мысли Іоро-томо, феодальный строй распался и снова сталъ на дѣлѣ многоголовымъ. Страна болѣе чѣмъ когда-нибудь страдала отъ этого разъединенія. Но шогуны изъ рода Ашикага были совершенно безсильны совершить необходимый для страны шагъ къ объединенію. Ихъ родъ упалъ и обезсилѣлъ.

Переселившись изъ прежней резиденціи шогуновъ Камакуры въ Кіото, Ашикага перестали считаться главнокомандующими и утратили окружавшій первыхъ шогуновъ ореолъ военнаго могущества. Они соперничали въ пышности съ микадо и требовали себѣ равныхъ съ нимъ почестей. Въ концѣ концовъ они даже совсѣмъ отказали микадо въ слѣдуемыхъ ему по закону знакахъ вѣрноподдани-

ческаго почтенія. Такимъ образомъ, они, съ одной стороны, перестали внушать страхъ, а съ другой — возбудили противъ себя неудовольствіе недостаткомъ видимаго уваженія къ источнику власти—микадо.

Въ половинѣ XVI вѣка они держались болѣе по инерціи, и нужно было только обладать нѣкоторою предпримчивостью, чтобы лишить ихъ власти. Такая предпримчивость досталась въ удѣлъ Оты Набунаги, перваго изъ трехъ крупныхъ историческихъ дѣятелей Японіи второй половины XVI вѣка. Эти три человека — Набунага, Хидейоши и Іеязу — сыграли большую роль въ исторіи Японіи. Они прекратили, наконецъ, истощавшія ее междоусобицы и положили начало тому порядку вещей, который длился до самой революціи 1868 года.

10.

Набунага и христіанство въ Японіи.

Ота Набунага вель свое происхожденіе отъ стариннаго рода Таира, разбитаго нѣкогда Іоритомой. Къ началу XVI вѣка одна его вѣтвь, Ота, снова усилилась, приобрѣла значительныя земли въ центрѣ Японіи, и стала соперничать съ другими могущественными родами. Въ срединѣ XVI вѣка, глава ея, Набунага, сблизился съ шогуномъ и получилъ званіе полководца. Но скоро между обоими возникли несогласія. Набунага, пользуясь преданностью войскъ, арестовалъ внезапно прежняго шогуна, низложилъ его и объявилъ самое званіе шо-

гуна уничтоженнымъ (1564 г.). Все это произошло такъ быстро, что микадо узналъ объ этомъ только *post factum*. Понятно, что при такихъ условіяхъ уничтоженіе должности шогуна не вернуло микадо реальной власти. Въ дѣйствительности, она просто перешла къ Набунага, хотя онъ принялъ только званіе *наи-даи-джина*, т.-е. перваго министра.

Набунага отличался большой энергіей и выдающимися военными талантами. Устранивъ шогуна, онъ немедленно принялся за успокоеніе страны. Онъ напомнилъ *даймюсамъ* о ихъ зависимости отъ микадо и напомнилъ самымъ дѣйствительнымъ способомъ — съ оружіемъ въ рукахъ. Тамъ, гдѣ вспыхивали раздоры, и феодалы отказывались подчиниться верховному суду правительства, являлся Набунага съ войскомъ, и мечомъ водворялъ миръ. Въ нѣсколько лѣтъ онъ усмирилъ почти всѣхъ непокорныхъ феодаловъ и заставилъ ихъ положить оружіе. Но самую непримиримую борьбу онъ вель съ буддійскими монастырями.

Мы упоминали уже, что буддійскіе монастыри одними изъ первыхъ стали пріобрѣтать частную земельную собственность. Постепенно изъ пожертвованій благочестивыхъ микадо и частныхъ лицъ у нихъ составились очень значительныя земельныя угодья, въ которыхъ духовныя лица пользовались всѣми сеньорьяльными правами. Однимъ словомъ, они превратились въ такихъ же феодальныхъ владѣльцевъ, какъ и *даймюсы*, и ни мало не отставали отъ нихъ въ воинственныхъ нравахъ. Въ этомъ

отношеніи исторія буддизма представляетъ значительныя аналогіи съ исторіей католической церкви въ Европѣ. Буддійское духовенство такъ же, какъ и католическое, не желало ограничиться одной духовной областью, оно также стремилось къ свѣтской власти, явившейся и тутъ источникомъ громадныхъ злоупотребленій. Въ довершеніе аналогіи въ XIV и XV вв. среди японскихъ буддистовъ возникло сильное реформаторское теченіе. Появилось нѣсколько новыхъ сектъ, и нѣкоторыя изъ нихъ стояли не исключительно на религиозной почвѣ. Самыя популярныя изъ нихъ, секты Шинъ и Ничиренъ носили даже до нѣкоторой степени революціонный характеръ. Между этими сектами и приверженцами стараго ортодоксальнаго буддизма шла жаркая борьба. Очень часто изъ области преній борьба эта переходила въ область кулачной расправы, и земли тѣхъ или другихъ монастырей становились ареною кровавыхъ столкновеній. Къ началу XVI вѣка эти религиозныя распри достигли своего апогея. Явилось нѣсколько религиозныхъ центровъ, привлекавшихъ къ себѣ массы народа и служившихъ очагами постоянныхъ волненій.

Набунага рѣшилъ покончить со всѣмъ этимъ. Самъ онъ получилъ воспитаніе въ шинтоистскомъ монастырѣ, и въ немъ съ дѣтства укоренилась ненависть и презрѣніе къ буддійскимъ монахамъ, безъ различія направленій. Секты, какъ различныя теченія религиозной мысли, мало интересовали его, онъ смотрѣлъ на нихъ, главнымъ образомъ, какъ на

источникъ смуть. Больше же всего онъ вооружался противъ свѣтской власти монастырей, и ортодоксальныхъ, и перешедшихъ въ сектантство. Для того, чтобы положить конецъ всему этому, онъ рѣшилъ уничтожить нѣсколько особенно могущественныхъ монастырей. Прежде всего онъ отправился къ острову Бива, гдѣ былъ монастырь секты Шинъ, привлекавшій къ себѣ десятки тысячъ богомольцевъ.

У подножія горы онъ остановился и приказалъ своимъ генераламъ сжечь монастырь. Тѣ сначала были смущены такимъ приказаніемъ и отказывались повиноваться. Тогда Набунага сказалъ имъ цѣлую рѣчь, доказывая, что отъ этихъ монастырей исходитъ главная смута въ странѣ. Сами монахи только пьютъ и ѣдятъ, обирая легковѣрныхъ людей и нарушаютъ даже собственные уставы, а своихъ поклонниковъ возбуждаютъ къ неповиновенію. Поэтому на нихъ надо смотрѣть, какъ на мятежниковъ и поступать съ ними такъ же, какъ онъ поступалъ съ непокорными дайміосами.

Убѣжденные его краснорѣчіемъ, генералы не протестовали болѣе, и монастырь былъ уничтоженъ. Множество монаховъ было перебито при этомъ, а земли ихъ отобраны въ казну. Такая же участь постигла и другой монастырь, принадлежавшій сектѣ Ничиренъ. Вообще, могуществу буддійскихъ монастырей Набунага нанесъ сильный ударъ, отъ котораго они долго не могли оправиться.

Въ противовѣсъ буддистамъ Набунага оказы-

валъ большое покровительство христіанамъ, незадолго передъ тѣмъ впервые появившимся въ Японіи. Вся исторія христіанства въ Японіи занимаетъ менѣе одного столѣтія. Мы остановимся на ней теперь, чтобы не возвращаться къ ней въ нѣсколько пріемовъ.

Первымъ христіанскимъ миссіонеромъ въ Японіи былъ іезуитскій патеръ Францискъ Ксаверій, причисленный позднѣе за свою миссіонерскую дѣятельность къ лику святыхъ. Онъ проповѣдывалъ сначала въ Китаѣ, а потомъ, послѣ вторичнаго путешествія Пинто въ Японію, отправился туда съ двумя обращенными имъ ранѣе японцами. Въ Японіи онъ прожилъ всего два года, съ 1549 по 1551 годъ, и въ этотъ небольшой періодъ достигъ тамъ громадныхъ результатовъ. Вокругъ него образовалась цѣлая японская паства. Ходили рассказы, что онъ совершаетъ чудеса, и любопытные стекались къ нему со всего юга Японіи. Послѣ его отъѣзда и смерти въ 1551 году, дѣло христіанской проповѣди шло такъ же успѣшно. Къ концу XVI вѣка новообращенные считались уже десятками и сотнями тысячъ. Наиболѣе осторожные историки опредѣляютъ максимальное количество христіанъ въ ту эпоху въ 600.000, большинство же полагаетъ, что ихъ было болѣе милліона.

Такой громадный успѣхъ христіанства или, лучше сказать, католицизма, на первыхъ порахъ объясняется, конечно, различными причинами. Мы уже говорили, что въ ту эпоху въ Японіи началось вообще

сильное религіозное броженіе, и внутри буддизма образовались различныя секты. Новая религія, окруженная еще большимъ блескомъ и пышностью, чѣмъ буддизмъ, сильно дѣйствовала на впечатлительныхъ японцевъ. Обѣщаніе непосредственной загробной награды выгодно отличало въ ихъ глазахъ новую вѣру отъ буддизма съ его безконечнымъ рядомъ существованій. Іезуитскій орденъ, организовавшій первую японскую миссію, не щадилъ средствъ для ея процвѣтанія. Значительныя суммы, какими располагали проповѣдники новой религіи, тоже не остались безъ вліянія на судьбу ихъ проповѣди. Вѣчно нуждающіеся въ деньгахъ дайміосы, видя ихъ богатство, чувствовали къ нимъ невольное уваженіе и охотно вступали съ ними въ болѣе тѣсныя отношенія. Ко времени возвышенія Набунаги весь островъ Kiu-Siu былъ уже заселенъ новообращенными христіанами. Набунага увидѣлъ въ нихъ естественныхъ союзниковъ противъ ненавистныхъ ему буддійскихъ бонзъ. Буддійскіе монахи казались ему, главнымъ образомъ, опасными своимъ вторженіемъ въ свѣтскія дѣла, своимъ растущимъ землевладѣніемъ и своими раздорами, приводившими къ вооруженнымъ столкновеніямъ между сторонниками разныхъ сектъ. Въ христіанскихъ же патерахъ онъ видѣлъ исключительно религіозныхъ миссіонеровъ, чуждыхъ всякихъ мірскихъ стремленій.

Но очень скоро новые проповѣдники заставили измѣнить первоначальное мнѣніе о себѣ; соотвѣт-

ственно съ этимъ круто перемѣнилось и отношеніе къ нимъ, искренно дружелюбное вначалѣ. Быстрые успѣхи іезуитовъ привлекли въ Японію множество миссіонеровъ разныхъ другихъ католическихъ орденовъ — францисканцевъ, доминиканцевъ и августинцевъ. Вмѣстѣ съ стремленіемъ пополчить новыхъ овецъ въ свое стадо, они принесли съ собою тотъ духъ нетерпимости и религіознаго фанатизма, который царилъ въ ту эпоху въ Европѣ — особенно въ Испаніи, откуда пріѣзжало большинство изъ нихъ. Эта религіозная нетерпимость проявлялась не только по отношенію къ мѣстнымъ языческимъ вѣрованіямъ, но и во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ различныхъ католическихъ орденовъ. На новой почвѣ между ними сейчасъ же разгорѣлась старая вражда, еще болѣе яростная тутъ, гдѣ дѣло шло о новообращенныхъ душахъ. Взаимныя обвиненія, угрозы, жалобы Риму, отлученія отъ церкви — весь арсеналъ выработанныхъ въ старомъ отечествѣ приемовъ борьбы, пускался въ ходъ здѣсь къ соблазну прозелитовъ и къ большой радости буддійскихъ бонзъ.

Способы религіозной пропаганды тоже не всегда были безукоризненны. Прежде всего миссіонеры старались обыкновенно пріобрѣсти вліяніе на мѣстнаго дайміоса. Благодаря возможности не стѣсняться въ денежныхъ средствахъ имъ это по большей части легко удавалось. Если дайміось извѣлялъ согласіе креститься, остальное дѣлалось при его помощи самымъ упрощеннымъ способомъ. По-

буждаемый своимъ духовнымъ отцомъ, а, быть можетъ, и принуждаемый имъ, дайміосъ издавалъ приказъ, повелѣвающій всѣмъ его подданнымъ принять новую вѣру, а буддистскимъ и шинтоистскимъ монахамъ — оставить его владѣнія. Нерѣдко такіе приказы подкрѣплялись еще и оружіемъ. Миссіонерамъ оставалось только пожинать обильную жатву. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ отчетовъ іезуитскихъ патеровъ, рисующихъ ихъ успѣхи. „Въ 1577 году лордъ (дайміосъ) острова Амакузы издалъ указъ, которымъ его подданнымъ — все равно бонзамъ или дворянамъ (самураямъ), ремесленникамъ или торговцамъ — предписывалось принять христіанство или оставить его владѣнія. Они почти всѣ подчинились и приняли крещеніе, такъ что въ короткое время въ его владѣніяхъ образовалось болѣе двадцати церквей. Богъ творитъ чудеса, чтобы укрѣпить вѣрныхъ въ ихъ вѣрѣ“. Но не всегда дѣло обходилось такъ мирно. „Король Омуры (опять-таки дайміосъ,—миссіонеры плохо разбирались въ политическомъ строѣ страны), сдѣлавшійся христіаниномъ въ 1562 г., объявилъ открытую войну дьяволамъ (т.-е. бонзамъ). Онъ разослалъ нѣсколько отрядовъ по своему королевству, чтобы разрушать храмы и уничтожать идоловъ, не обращая вниманія на ярость бонзъ“. Дайміосъ области Бунго превратилъ въ пепель одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ буддійскихъ храмовъ и разрушилъ триста монастырей. Іезуитскій патерь замѣчаетъ по этому поводу: „Пламенное усердіе этого принца

явно доказываетъ силу его христіанской вѣры и любви“¹.

Такого рода доказательства христіанской любви не могли, конечно, расположить населеніе къ новой вѣрѣ, которую въ началѣ оно встрѣтило очень сочувственно. Но всего больше вооружала противъ иностранцевъ вообще и противъ миссіонеровъ въ частности ихъ торговля рабами. Этотъ ужасный видъ торговли совершенно не былъ извѣстенъ до тѣхъ поръ въ Японіи. Если тамъ и существовала продажа крѣпостныхъ, то это была во всякомъ случаѣ продажа съ землей и въ предѣлахъ одной и той же страны, скорѣй перемѣна подданства, чѣмъ перепродажа. Европейцы, наоборотъ, широко развивали эту торговлю во всѣхъ вновь открытыхъ странахъ. Они же попытались привить ее и въ Японіи. Страна была страшно разорена въ ту пору, и доставать рабовъ не представляло особыхъ затрудненій. Всевозможные европейскіе авантюристы, нахлынувшіе туда вслѣдъ за миссіонерами, и хитростью, и силою, и деньгами безъ труда овладѣвали людьми и уводили ихъ на продажу въ другія страны. Миссіонеры, если и не участвовали непосредственно въ этихъ гнусныхъ продѣлкахъ, во всякомъ случаѣ покрывали ихъ своимъ авторитетомъ.

Не мудрено, что черезъ сорокъ лѣтъ послѣ перваго появленія Франциска Ксаверія и черезъ два-

¹ Griffis „The micado's Empire“ стр. 253.

дцать лѣтъ послѣ Набунаги, въ 1587 г., микадо издастъ декретъ объ изгнаніи иноземныхъ миссіонеровъ. Въ началѣ декретъ этотъ не оказалъ особеннаго вліянія. Миссіонеры, разсчитывая на свое мѣстное вліяніе и на слабость центральнаго правительства, продолжали свою дѣятельность и открыто смѣялись надъ всѣми указами микадо. Тогда противъ нихъ рѣшено было употребить болѣе крутыя мѣры. Въ 1596 г. нѣсколько францисканскихъ и іезуитскихъ патеровъ были схвачены и казнены въ Нагасаки.

Послѣ того снова наступило временное затишье, которымъ воспользовались миссіонеры для укрѣпленія своего вліянія на югѣ. Возникло даже подозрѣніе, что они замышляютъ предать Японію въ руки иноземцевъ. Встревоженный этимъ, тогдашній шогунъ Іеязу рѣшилъ на энергичную мѣру, онъ приказалъ схватить всѣхъ христіанскихъ проповѣдниковъ, къ какому бы ордену и какой бы націи они ни принадлежали, посадить ихъ на джонки и вывезти изъ предѣловъ страны.

Всего было вывезено около 300 священниковъ, но и послѣ того оказалось, что ихъ осталось еще значительное количество, и въ слѣдующемъ году онъ рѣшилъ оружіемъ разгромить главный оплотъ ихъ—Осаку. По словамъ іезуитскихъ историковъ, во время этого похода Іеязу погибло до 100.000 христіанъ. Съ этихъ поръ преслѣдованія христіанъ не прекращались до 1624 г., когда былъ изданъ эдиктъ объ изгнаніи не только миссіонеровъ, но и

всѣхъ вообще иностранцевъ, исключая китайцевъ и голландцевъ. Несмотря на такія крутыя мѣры христіанство не сразу угасло въ Японіи. Среди многихъ тысячъ обращенныхъ только для счета душъ тамъ оказалась довольно значительная группа искренно принявшихъ новую религію. Они не хотѣли такъ легко разстаться съ ней и продолжали оставаться христіанами, несмотря на всѣ запрещенія и даже гоненія. Исторія этихъ одинокихъ христіанскихъ общинъ въ Японіи полна примѣрами геройской твердости и горячей преданности вѣрѣ. Наконецъ, въ 1637 г., доведенные до отчаянія преслѣдованіями, японскіе христіане, по большей части простые земледѣльцы, овладѣли замкомъ Шимбара на Kiy-Ciu и подняли знамя возстанія. Войска, посланныя на усмиреніе ихъ, встрѣтили мужественное и отчаянное сопротивленіе. Только по истеченіи двухъ мѣсяцевъ упорной осады съ воды и суши крѣпость была взята. Большая часть осажденныхъ были перебиты или сброшены въ море, со скалы Паппенбургъ, остатки бѣжали на Формозу.

Послѣ этого былъ изданъ новый эдиктъ, возвѣщавшій, что „вредная секта“, наконецъ, истреблена окончательно. Этимъ же эдиктомъ подтверждалось, что покуда солнце свѣтитъ надъ Японіей ни одинъ иностранецъ не будетъ жить въ ней, и ни одинъ японецъ не покинетъ ее. Исключеніе опять-таки было сдѣлано для нѣсколькихъ десятковъ голландцевъ, получившихъ разрѣшеніе жить въ мѣстечкѣ Дешима близъ Нагасаки. Разъ въ годъ

къ нимъ приходилъ голландскій корабль изъ Индіи, и происходилъ обмѣнъ японскихъ товаровъ на голландскіе. Такое исключительное благоволеніе японскаго правительства къ голландцамъ объясняется тѣмъ, что они никогда не занимались миссіонерствомъ, не вмѣшивались во внутреннюю политику страны и безпрекословно подчинялись налагаемымъ на нихъ ограниченіямъ. Торговля же съ ними приносила несомнѣнныя выгоды.

Послѣ 1637 года христіанство можно считать уничтоженнымъ въ Японіи, и страна опять больше чѣмъ на два вѣка совершенно замкнулась для иностранныхъ вліяній. Едва ли не единственными слѣдами вѣкового знакомства съ европейцами осталось тамъ употребленіе огнестрѣльнаго оружія, табаку и нѣсколько европейскихъ словъ, сохранившихся въ языкѣ. Внѣшняя торговля опять стала ограничиваться тихоокеанскими побережьями, а буддійскіе бонзы снова стали укрѣплять свое пошатнувшееся было могущество. Мы вернемся, впрочемъ, нѣсколько назадъ, къ тому времени, когда Набунага еще велъ борьбу и съ ними, и съ непокорными вассалами.

Набунага стоялъ во главѣ правительства всего 9 лѣтъ, съ 1573 по 1582 г. Но за этотъ короткий періодъ ему удалось сдѣлать многое для объединенія Японіи и прекращенія въ ней внутреннихъ раздоровъ. Конечно, преслѣдуя эту цѣль, Набунага не останавливался передъ средствами, онъ велъ борьбу съ феодалами и монахами круто, же-

стоко, порой безчеловѣчно. На своихъ враговъ онъ наводилъ паническій ужасъ. Нѣкоторые европейцы, описывая кровопролитную исторію его владычества, не находятъ словъ, чтобы заклеить этого варвара среди варваровъ, сравниваютъ его съ Нерономъ и даже съ Навуходоносоромъ. Намъ кажется, что нѣтъ надобности забираться такъ далеко въ глубь временъ. Стоитъ только припомнить, что и въ Европѣ это была эпоха, когда царствовали Филиппъ II и Генрихъ VIII, прославившіеся на весь міръ своей жестокостью, а у насъ современникомъ Набунаги былъ Іоаннъ Грозный. Во всякомъ случаѣ, въ Японіи жестокость Набунаги не осталась безъ возмездія. Онъ палъ отъ руки одного изъ глубоко оскорбленныхъ имъ дайміосовъ.

11.

Объединеніе страны. — Хидейоши и Іеязу.

Въ моментъ внезапной смерти Набунаги оба его сына были въ отдаленныхъ провинціяхъ, и мстителемъ за него явился одинъ изъ его генераловъ — Хидейоши. Хидейоши былъ первый въ Японіи чело-
вѣкъ, выбившійся изъ низшихъ слоевъ народа и достигшій высокаго положенія, не принадлежа къ знатнымъ родамъ. Онъ былъ сынъ крестьянина. Раннее дѣтство его окружено цѣлымъ рядомъ легендъ. Достоверно одно, что какимъ-то случайнымъ образомъ онъ попалъ въ войско Набунаги, понравился ему своей смѣлостью и находчивостью

и сталъ быстро возвышаться по ступенямъ военной іерархіи. Когда Набунага палъ отъ руки убійцы, Хидейоши былъ уже генераломъ и сражался съ однимъ изъ феодальныхъ властителей. Онъ быстро сообразилъ, какъ проложить себѣ путь къ дальнѣйшему возвышенію. Не теряя ни минуты, онъ съ войскомъ пошелъ на Кіото, куда только что явился Акеші, убившій Набунагу. Въ три дня онъ разбилъ силы Акеші и умертвилъ его самого. Теперь власть была фактически въ его рукахъ, тѣмъ болѣе, что онъ дѣйствовалъ именемъ внука Набунаги, отъ его старшаго, умершаго сына. Остальные два сына были для него неопасны. Единственную опасность представлялъ зять Набунаги, тоже воинственный полководецъ Шибата. Съ нимъ Хидейоши рѣшилъ помѣряться силами. Не ожидая, пока тотъ придетъ въ Кіото оспаривать у него власть, онъ самъ пошелъ ему навстрѣчу и осадилъ его замокъ. Послѣ долгаго сопротивленія Шибата увидѣлъ, что дѣло его проиграно и, по японскому обыкновенію, чтобы не отдаться живымъ въ руки врага, совершилъ надъ собой хара-кири.

Хидейоши такъ же, какъ и Набунага, никогда не былъ шогунотъ, но онъ потребовалъ, чтобы ему былъ данъ титулъ квамбаку — одинъ изъ высшихъ придворныхъ чиновъ. Въ просторѣчи же онъ именовался обыкновенно Таико-сама (великій господинъ). Впрочемъ, у него и кромѣ того было много прозвищъ. Такъ, за нимъ съ дѣтства осталось прозвище „сару-матзу“, т.-е. хилая обезьяна,

данное ему за его безобразіе. Когда онъ возвысился, враги стали называть его „сару-кванъ“ (кованная обезьяна).

Во время своего владычества Хидейоши энергично продолжалъ начатое Набунагой усмиреніе феодаловъ и объединеніе страны. Его біографы находятъ, что онъ обладалъ болѣе широкимъ государственнымъ умомъ, чѣмъ Набунага, и что реформы, предпріятыя въ послѣдствіи Іеязу, были, въ сущности, задуманы Таико-самой. Во всякомъ случаѣ, онъ подготовилъ почву для этихъ реформъ, заставивъ всѣхъ феодаловъ положить оружіе и признать фактически власть центральнаго правительства. Послѣднимъ предпріятіемъ Хидейоши былъ походъ въ Корею.

При послѣднихъ шогунахъ изъ рода Ашикага Корея совершенно перестала выплачивать дань Японіи. Хидейоши рѣшилъ напомнить ей ея бывшую зависимость. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало сравняться въ славѣ съ Іоритомо и даже превзойти его. Однажды, когда онъ увидѣлъ изображеніе Іоритимо въ Камакурѣ, онъ воскликнулъ: „Ты — другъ мой. Вся власть на землѣ (въ Японіи) принадлежала тебѣ. Только ты и я способны на это. Но ты происходилъ изъ знатнаго рода, а я — изъ крестьянъ. И я намѣренъ покорить весь міръ, даже Китай. Что ты объ этомъ думаешь?“

Онъ снарядилъ большой флотъ и отправилъ его въ Корею. Самъ онъ былъ уже слишкомъ старъ, чтобы лично стать во главѣ своей арміи. Онъ

оставался въ Японіи и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за успѣхами своихъ войскъ, безъ труда разбивавшихъ корейцевъ. Но окончательнаго торжества японцевъ ему не суждено было дожидаться. Онъ умеръ въ серединѣ похода, а полководцы, поспѣшно заключили миръ и, выговоривъ нѣкоторую контрибуцію, вернулись назадъ.

Хидейоши прилагалъ много заботъ къ улучшенію японскаго флота вообще. Японскіе корабли въ эту эпоху достигли большого совершенства. По постройкѣ они считаются выше кораблей Колумба и не уступаютъ голландскимъ и португальскимъ торговымъ судамъ того времени.

И Набунага, и Хидейоши въ періодъ своего владычества умѣли держать дайміосовъ въ повиновеніи и заставляли ихъ считаться съ центральнымъ правительствомъ. Но оба они достигли этого только съ помощью оружія, путемъ непосредственнаго принужденія. Они не смогли еще внушить тѣмъ идеи о необходимости и неизбежности объединенія всей страны вокругъ одного государственнаго центра. Поэтому со смертію каждаго изъ нихъ снова вспыхивали волненія. Привыкшіе къ полной независимости, дайміосы надѣялись, что по смерти ихъ врага кончится и ихъ подчиненіе центральной власти. Каждый разъ возстановленное съ такимъ трудомъ объединеніе страны снова грозило распасться. Такъ было и по смерти Хидейоши. Сразу образовалось нѣсколько враждующихъ партій. Одна выставяла претендентомъ сына Хидейоши—Хидей-

ори; другая — племянника Набунаги, который считался, между прочимъ, покровителемъ христіанъ. Третья, наконецъ, объединилась подъ предводительствомъ Іеязу, опытного военачальника, сражавшагося еще въ войскахъ Набунаги и Хидейоши, происходившаго изъ могущественнаго рода Токугава. Представители знатныхъ родовъ сразу почувствовали въ Іеязу опаснаго противника, который въ случаѣ побѣды заставитъ ихъ тяжело почувствовать свою власть. Они всѣ объединились противъ него и долго и упорно оказывали ему сопротивленіе. Послѣдняя жестокая битва произошла въ 1600 году у Секигахары, близъ озера Бива. Іеязу одержалъ рѣшительную побѣду. Битва при Секигахарѣ—самая жестокая и кровопролитная въ японской исторіи. Японскіе историки полагаютъ, что убито было до 40.000 человѣкъ, но это, по всей вѣроятности, преувеличеніе. Большая часть предводителей союзной арміи совершила надъ собой хара-кири.

Побѣда Іеязу считается поворотнымъ моментомъ въ исторіи Японіи. Нѣкоторые историки придаютъ ей совершенно исключительное значеніе: „Эта битва, — пишетъ Гриффисъ, — опредѣлила судьбу Японіи болѣе чѣмъ на два столѣтія, опредѣлила паденіе рода Набунаги и Хидейоши и упроченіе шогуната въ родѣ Токугава, она рѣшила судьбу христіанства, обособленіе Японіи отъ всего міра, утвержденіе системы дуализма и феодализма, славу и величіе Іедо и миръ въ Японіи на 268 лѣтъ“¹.

¹ Griffis, ст. 266.

Въ этихъ словахъ, конечно, очень много преувеличенія. Кромѣ чисто личнаго вопроса о преобладаніи одного рода надъ другимъ, — и то въ значительной степени обусловленнаго исключительнымъ могуществомъ рода Токугава, — всѣ остальные вопросы, рѣшавшіеся въ этой битвѣ, были уже предрѣшены исторіей. Мы видѣли, что судьба христіанскихъ миссіонеровъ была обусловлена внутренними причинами, а не случайными симпатіями или антипатіями къ нимъ правителей. Мы видѣли, что феодализмъ закончилъ свою эволюцію къ тому времени, и страна настоятельно требовала объединенія и мира. И это объединеніе уже было въ значительной степени осуществлено непосредственными предшественниками Иеязу. Битва при Секигахарѣ была только послѣдней отчаянной попыткой сопротивленія со стороны неуступающихъ еще силъ прошлаго, но попыткой заранѣе обреченной на неудачу. Конечно, это страшное пораженіе нанесло имъ окончательный ударъ, и Иеязу могъ безъ помѣхи заняться теперь выработкой основъ того новаго строя, который водворился съ тѣхъ поръ въ Японіи на два съ половиною вѣка. Сущность этого строя была уже опредѣлена ходомъ событій — она заключалась въ объединеніи, въ централизаци. Она несомнѣнно должна была привести Японію къ такой же абсолютной полицейски-бюрократической монархіи, какая явилась и въ европейскихъ государствахъ на смѣну феодализма. Отличительной чертой японской монархіи служить лишь

дуалистическій характеръ центральной власти. Власть была одна, но носителемъ считался микадо, а осуществлялъ ее, какъ бы по уполномочію, шогунъ.

Вся детальная разработка основъ новаго строя принадлежитъ цѣликомъ Іеязу и сохранилась почти безъ измѣненія въ теченіе всего періода, пока шогунатъ находился въ наслѣдственномъ владѣніи его рода. Мы остановимся теперь на характеристикѣ этого строя, обезпечившаго Японіи миръ и возможность дальнѣйшаго культурнаго развитія и позволившаго ей накопить силы для слѣдующаго шага въ историческомъ развитіи — ограниченія центральной власти.

12.

Господство абсолютизма.—Политическій и экономическій строй.

XVII и XVIII вѣка въ Японіи очень часто называютъ временемъ расцвѣта феодализма. Это такъ же вѣрно, какъ если бы мы назвали эпохой исключительнаго господства феодализма тѣ же самыя вѣка во Франціи. Дѣйствительно, въ экономической области феодальныя отношенія продолжаютъ царить и накладывать по прежнему отпечатокъ на всѣ социальныя отношенія. Феодальныя путы, сковывающія населеніе, еще очень крѣпки и сильно мѣшаютъ свободному развитію хозяйственной жизни страны. Но политическій строй покоится уже совершенно на другихъ основахъ. Отъ прежней независимости